

Кровь Рюрика

Автор:

Андрей Земляной

Кровь Рюрика

Андрей Борисович Земляной

Любимчик богов #1 Попаданец (АСТ)

Это другая Россия и совсем другой девятнадцатый век. Параллельный, а возможно, и альтернативный мир, в котором Рюриковичи правят не согласно наследственному «Лествичному праву», а лишь на основании наличия сил, способных пробудить природную мощь и защитить людей от порождений Кромки – мира чудовищных созданий хаоса, прорывающихся на Землю для утоления жажды крови. А ещё в этом мире есть волхвы и колдуны, противостоящие друг другу многие тысячи лет в борьбе за источники Силы, охотники за нежитью и созданиями хаоса. Наш современник и соотечественник призван в этот мир богами для исполнения их воли, но полковник и ветеран многочисленных войн не будет игрушкой в их руках и сыграет собственную партию. 1850 год. Ещё не все города восстановлены после нашествия Наполеона, пришедшего во главе пятисоттысячной армии, ещё не стихло эхо от подков казачьих эскадронов на парижских мостовых, но уже собираются новые армии и нанимаются колдуны-кромешники, что должны создать ударный кулак из тварей и подчинить себе новые источники Силы на русской земле.

Андрей Земляной

Кровь Рюрика

© Андрей Земляной, 2017

1

Чистоту, простоту мы у древних берём,

Саги, сказки – из прошлого тащим.

Потому что добро остаётся добром

В прошлом, будущем и настоящем!

В. Высоцкий.

– Вы верите в реинкарнацию?

– Извините, а можно мне другого врача?

Великому командору Ордена Креста Луи де Баролю

Донесение

В течение последних трёх месяцев Орден Странствующих предпринял шесть неудачных попыток провести вызов Дикой Охоты, опираясь на новое заклинание, зарегистрированное во внутреннем кодексе под номером 238. Само плетение модифицировано под носителей истинной крови второго или третьего уровня и, в теории, может позволить вызвать сущность четвёртого круга, полностью лояльную вызывателю, что открывает широкие возможности по наращиванию потенциала Дикой Охоты и по переводу её в Кровавую Мессу.

Однако в силу причин, которые остались неизвестными, все попытки провести обряд провалились, а их инициаторы погибли, о чем свидетельствуют погасшие личные метки.

Обращаю внимание великого командора на слабую проработку оперативной обстановки в местах проведения операций и на слабую техническую подготовку иницилирующих обряд.

Уверен, что с должным вниманием к подготовке и тщательным отбором вызывателей операцию можно провести, опираясь на технические возможности Ордена Креста. Должным образом вызванная Дикая Охота позволит собрать большое количество С-энергии, что положительно повлияет на баланс сил в Большом Совете.

Командор шестой курии Франц де Гольц.

Магистру Ордена Песочных часов Карлу Гаэтано от старшего хранителя мудрости кавалера Антонио Больцано

Прошение

Настоящим сообщаю, что количество регистрируемых заклинаний первого – третьего уровня неуклонно уменьшается последние два года, так же как снижается их ударная мощь и магометрия. Исследования в данных областях или свёрнуты, или финансируются недостаточно, что приводит к ослаблению атакующей и защитной мощи Ордена, а как результат – к неоправданным потерям братьев в войнах и стычках.

Также в плачевном состоянии учебные лаборатории и испытательные комнаты в орденской школе, где основной упор сделан на физическое развитие и освоение немагического оружия.

Особо хочу упомянуть о необходимости снабжения ингредиентами из «особого списка», а также о своевременной поставке накопителей для бесперебойного снабжения братства боевыми амулетами и жезлами.

С неизменным почтением, верный слуга вашего магистерства

Антонио Больцано.

Константину, военному пенсионеру семидесяти восьми лет, всегда нравилось отдыхать в Сосновке. И тишь заброшенной деревеньки, и речка, причудливо вьющаяся между перелесками, и крошечные пятачки золотых пляжей вдоль неё... Перечислять можно было бесконечно.

Дом в деревне, который он выкупил, уже через пять лет был превращён в настоящий оплот холостяка, а оставшиеся развалины разобрал на брёвна и сложил за околицей, вывесив плакат, что можно забирать бесплатно.

Так и жил, сначала по месяцу в году, потом всё лето, а когда смертельный диагноз из предположительного превратился в реальность, и вовсе переехал в Сосновку. В последнее время приступы боли случались всё чаще, и порой приходилось их долго пережидать или купировать инъекциями сильнодействующих препаратов.

От деревни до трассы было всего пять километров, и поскольку дорогу никто, кроме него, не использовал, она быстро заросла травой и фактически исчезла, оставив лишь направление меж крашеных столбиков. Вот по такому направлению он и катил в райцентр, за продуктами и кое-какой мелочёвкой, заказанной через хозяина магазина.

Последний поворот перед выездом на трассу, и Константин, плавно оттормозившись, остановился возле потрёпанной жизнью «шахи», перегородившей проезд. Автомобиль стоял наискосок, с распахнутыми дверями, и всем своим видом намекал, что происходит что-то необычное и неправильное.

Константин вздохнул, открыв дверь, медленно вышел из машины и огляделся. Собственно, из этого места можно было уйти лишь вниз к маленькому болотцу или вверх, на плоскую вершину холма, возвышавшегося над всеми окрестностями. Холм, поросший старыми дубами, как-то устоял перед любителями лёгкой поживы, и дубрава, раскинувшаяся прямо посреди холма, была настоящим украшением местности. Дубы росли вокруг поляны, на которой находился огромный плоский валун... Константин знал, что местные, когда деревня была ещё жива, обходили и холм, и дубраву десятой дорогой.

Наверх можно было подняться и на машине, но тогда нужно было дать почти километровый крюк и потом долго карабкаться по каменистой осыпи вдоль русла, образованного потоком талых вод.

Когда наверху раздался тонкий захлёбывающийся женский крик, Константин уже был на половине подъёма и, ускорившись, оставшееся расстояние преодолел достаточно быстро. Выскочив наверх, он увидел группу мужчин восточного типа, собиравшихся хорошо порезвиться за счёт крошечной девчушки в линялых джинсах, уже порванной розовой футболке и со свежим порезом на щеке.

– Отошли от неё, быстро. – От короткого подъёма сбилось дыхание и изношенное сердце заняло в груди, но Константин коротким движением размял кисти и шагнул вперёд. Смерти он не боялся, а единственный его страх был – бесчестие.

Мгновенно девушка была оставлена, и шакалы в человеческом обличье пошли прямо на Константина, негромко переговариваясь на своём гортанном языке. Откуда-то в их руках появились ножи, и Константин широко улыбнулся. Эту игру он хорошо знал. Рука скользнула к бедру, и он вытащил из потёртых ножен НР-43, доставшийся от отца.

Первые двое легли мясом, каким они, в сущности, и были. Третий чуть задержался на белом свете, отчаянно размахивая перед собой ножом, словно вентилятор, а вот последний, явно кем-то обученный и натасканный именно на ножевой бой, ухитрился ударить именно в тот момент, когда очередной спазм боли скрутил Константина, и в результате пропорол ему руку почти до кости. Но на этом удача варнака закончилась, и, вытаращив глаза, гость с юга завалился в кусты, фонтанируя кровью из взрезанного горла.

– Вот ты ж! – Костя одной рукой сдёрнул с себя футболку и туго перетянул рану. – Кому расскажу, не поверят. Получить ножом от какого-то проходимца. Ты как? – Он поднял взгляд на девчонку и поразился происшедшей с ней переменой.

Не чумазая, захватанная тысячами рук заплечница, а юная девушка, прекрасная совершенно неземной красотой, стояла в пяти шагах с улыбкой на сочных губах. Куда-то делись и порванная футболка, и джинсы, а появились длинное белое платье, вышитое по подолу золотой нитью, и платок, покрывавший голову, перехваченный по лбу толстым золотым обручем.

Атеистом Константин, как и все побывавшие в окопах, конечно, не был, но вот такое преобразование даже его выбило из колеи. Он на всякий случай оглянулся,

ища ту самую девицу, из-за которой влез в потасовку, но кроме него и женщины в белом на поляне никого не было.

- Ты за мной? – брякнул он и сразу же пожалел о сказанном.

Но женщина не обиделась, а только рассмеялась серебряным смехом.

- А хочешь в Ирий? – Она подошла совсем близко, и Константин почувствовал тонкий запах трав, шедший от незнакомки. – Славные воины, долгий пир, сладкие утехы?

- Да какой мне Ирий, с моими-то грехами... – Константин, несмотря на боль в руке, улыбнулся, покрепче затягивая узел на ране. – Доскриплю как-нибудь сколько осталось, а там посмотрим.

- Осталось немного. – Женщина покачала головой. – Почти доконала тебя хвороба. Но кровь, пролитая на старом капище, да ещё и в бою, дорого стоит. Четыре жертвы... Так что я твоя должница.

- А вылечить сможешь? – без особой надежды спросил Константин.

- Судьба твоя в этом мире уже прописана Отцом Небесным, и не мне её менять. – Женщина покачала головой. – Но кое-что сделать можно. – Она взяла его за руку и повела в дубовую рощу.

- Ложись. – Кивнула на камень, и уже слегка одуревший от боли Костик безропотно улёгся на тёплый от солнца гранит. – Готов? – Красавица улыбнулась, и от её улыбки странным образом прошла боль в руке и даже перестало ныть в животе.

Неожиданно склонившись над Константином, она впилась долгим поцелуем в губы мужчины, и мир для него погас.

- Горыня, Горыня! Вот паскудник, чтоб тебя! – Хриплый мужской голос ворвался в сознание Кости словно молот. Поморщившись, он повернулся на тёплом шершавом камне и замер, глядя на свои руки. Крепкие, жилистые, со следами многочисленных порезов и мозолями... и совершенно чужие.

«Съездил за хлебушком!» Он снова повернулся на спину и посмотрел в синее небо, на котором плыло одно-единственное облачко. Показалось или нет, но облако вдруг приняло форму женского лица, а правый глаз на мгновение прикрылся, словно лицо ему подмигивало.

От этого видения он вскочил и, перевернувшись в воздухе словно кошка, встал на ноги. Длину нового тела оценить было невозможно, но судя по габаритам камня, новый Константин был примерно такого же роста и близких пропорций. Но самое главное, в теле не было ни одной знакомой болячки. Нигде не тянуло, не стреляло, не было постоянной тошноты, которая сводила его с ума в старом теле.

Что ещё поразило Костю, так это запахи. Яркие и мощные, они словно сбивали с ног. Стоило посмотреть на что-нибудь, как обоняние тут же находило в общей мешанине ароматов нужную ноту и выделяло её.

«Даже если это всё бред, – подумал он, – то всё равно красивый и очень приятный. Лучше чем раковый корпус больнички».

Длинная, до середины бедра, полотняная рубаша из чуть желтоватой некрашеной ткани, подпоясанная засаленной верёвкой, штаны из плотной темной материи, сапоги, надетые прямо на босую ногу, и тяжёлый плетёный хлыст в левой руке составляли ансамбль под названием «пастушок». Вздохнув, Костя ощупал лицо и, насколько позволяла чувствительность пальцев, понял, что оно не рябое и более-менее правильное. А остальное мало его волновало. Красотой лица пусть парятся другие.

Но девушка, кем бы она ни была, не подвела, и тело ему досталось просто превосходное. Жилистое, крепкое и весьма скоординированное. Во всяком случае, стоило ему лишь подумать о том, чтобы взобраться на дерево, как он ловко, словно рысь, взлетел на самый верх могучего дуба, чтобы осмотреть окрестности.

В целом он увидел, что и ожидал. Рельеф остался почти таким же. Речка под холмом и деревенька вдали. Только вот не деревенька, а настоящее село, а может и городок, поскольку виднелись крыши больших зданий, круглый купол чего-то похожего на церковь, только без креста, и мощный частокол, окружавший поселение.

Он легко сбежал с холма, но на том месте, где были оставлены его верный УАЗик и «шаха» несостоявшихся насильников, увидел лишь дорогу, огибавшую холм, и чёрно-белый верстовой столб с цифрой «186» на указателе.

Глубоко вздохнув, Константин сел в мягкую, нагретую солнцем придорожную пыль и крепко задумался. По всему выходило, что незнакомка перебросила его в чужое тело и, судя по одежде, в другое время. Тот ли это мир, в котором он жил, или другой, покажет время, а пока совершенно непонятно, что делать.

Замечтавшись, он прозевал появление кавалькады всадников, выехавшей из-за поворота. Насколько он разбирался в лошадях, все были как на подбор, стройные тонконогие и в прекрасной сбруе, отделанной золотом. Всадники тоже, словно с выставки, щеголяли камзолами и шляпами, украшенными перьями, а также шпагами, ножны которых бряцали о сёдла.

– Прочь с дороги, смерд! – Ехавший первым, высокий длинноволосый мужчина замахнулся на Константина стеком, но промахнулся и, досадуя на свою оплошность, замахнулся вновь, и снова хлыст просвистел мимо.

Улыбка на лице Константина взбеленила всадника больше прежнего, и мужчина потянул шпагу из ножен.

«Вечер перестаёт быть томным» – подумал Константин, наблюдая, как шпага покидает ножны и по дуге летит прямо ему в лицо. Короткий нырок вниз, подшаг, и удар коленом в прыжке вышибает всадника из седла.

Второй всадник тоже попробовал ударить стеком, и Константин машинально принял его на ручку и на долю секунды скосил взгляд на то, что держал в руках. Кнутом он пользоваться не очень умел, но вот тело, доставшееся попаданцу, точно знало, что делать с этим предметом. Коротким взмахом «пастушок» захлестнул плетёную кожаную верёвку на шее всадника и мощным рывком сбросил его с седла.

Один из оставшихся в седле вдруг вытянул руку в сторону Константина, и из неё вырвался огненный шар, но, не долетев до обалдевшего от такого поворота Костика, с тихим треском схлопнулся, истаяв в воздухе. Так же истаяли и льдисто-голубые иглы, и серое нечто, запущенное третьим всадником.

– Здесь земля Мокоши, госпожа, – произнёс мужчина, гарцуя на лошади, и Костя наконец рассмотрел стройную девушку в мужском платье и ярко-алом плаще, державшуюся чуть позади. – Мы не сможем атаковать его силой.

– Я сама пристрелю эту тварь! – Девушка, одетая в мужской кафтан небесно-голубого цвета, с богатой золотой вышивкой, откинула полы плаща, подняла в руке нечто, похожее на кремнёвый пистолет, но между ней и Константином неожиданно возникло препятствие в виде высокого мужчины, как показалось Косте, с небольшим деревом в руке.

– Стойте! – раздался властный и мощный голос, и мужчина ударил в землю комлем дерева. И сразу же от него по земле рванула такая волна, что Константин с трудом удержался на ногах. Лошадям тоже досталось, и пуля, предназначенная Косте, ушла в небо. – Вы на земле Сосновской общины. Назовитесь, или будете уничтожены.

– Я графиня Светлова! – Девушка даже чуть привстала на стременах, видимо, чтобы казаться солиднее, и чуть подняла кромку широкополой шляпы, показав красивое породистое лицо с тонкими бровями и небольшим точёным носиком, обрамлённое светло-русыми кудрями.

Горыня, глядя на красотку, только успел подумать, что с удовольствием повалял бы её на сеновале, и лишь улыбнулся, когда девушка буквально ожгла его злым взглядом.

– Это мои люди, сопровождающие меня на праздник в имение князя Стародубского, и мои друзья. Виконт Рошфор и дворянин Бельский.

– Ну, и что же вас завело так далеко от казённого тракта, графиня Светлова? – Мужчина с посохом чуть наклонился вперёд, и на лицах всадников Костя увидел признаки неуверенности. – Решили срезать путь по общинным землям? И указ государя от восемнадцатого вересня шестьсот тридцатого года вам не указ? И почему вы напали на общинника Горыню?

– Он первый!

– Ложь, – припечатал мужчина, явно имевший право задавать все эти вопросы. – Его следов нет на дороге. Значит, стоял он на обочине и не мог напасть на

всадника. А вот вы даже не постеснялись обнажить оружие и применить силу. – Мужчина повернулся к Константину. – Иди, молодец. Я тут без тебя разберусь.

И куда сейчас? Горыня... хм-м. Хорошее имя. – Покинув место скоротечной схватки, Константин оглянулся. – Я же вроде пастух? Значит, нужно двигать к стаду. А стадо у нас?.. – Он постоял с минуту и, развернувшись, уверенно пошёл к тому месту, где в старом мире была большая низинка, густо поросшая травой.

– А вот я тебя! – Навстречу ему из кустов вылетел сухонький старичок, потрясая кнутовищем. – Мало того, что у тебя в башке квашня, дак ещё и бездельник!

– Охолонь, дед. – Константин, легко перехватил занесённый над собой кнут и коротким кистевым движением вынул его из руки склочного старика. Неожиданно для Константина старичок крутанулся и ударил локтем назад, целясь Горыне в бок, но тот жёстко блокировал удар и обозначил свой, остановив руку в нескольких миллиметрах от головы старшего пастуха.

– Вот так значит? – Дед хмыкнул и разразился целым каскадом ударов, на всех уровнях, стараясь ни сколько поразить противника, а хотя бы достать. Но Константин, который провёл всю молодость в спортзалах, а юность и зрелость – в местах, совсем негостеприимных, легко блокировал отнюдь не безобидные движения старика.

– Хорош! – Он отскочил в сторону и, приложив руку к груди, коротко поклонился. – Правда, хорош. Удалось, значит, Никифору. Откуда же тебя такого молодца занесло?

– Издалека, деда. – Горыня тоже приложил руку к груди и поклонился в ответ. – Места у нас беспокойные, воюем часто.

– А кем был-то? – раздался сзади спокойный голос, и, обернувшись, Константин увидел того самого мужчину с деревцем в руках, стоявшего метрах в десяти.

– Даже не знаю, как сказать-то... – Горыня пожал широченными плечами. – Царёв человек был. Как кто шалил или чего не понял, так мы ехали – объясняли. Или закапывали.

– Особая сотня Разбойного приказа, значит. – Мужчина с посохом покачал головой и слегка пристукнул своим дрыном, отчего по земле пошёл густой гул, словно от удара в колокол. – До вечера будь при стаде, а вечером приходи в общинную избу.

Мгновение, и мужчина словно растворился в пространстве, оставив за собой серебристый быстро тающий след.

– А... – Константин поражённо обернулся. – А, где?

– Никифор это, – веско произнёс пастух, словно это объясняло всё. – Волхв наш. Вчера было ему явление пресветлой Мокоши, и сказала она, что нашла новую душу для Горыни. Тот-то совсем дурачок был. Не говорил ништо да все норовил спать залечь. Только и мог, что с хлыстом управляться. Дочка мельника его нажила с кем-то, а с кем, так и не сказала. – Старик устало присел на траву. – Вырастила тебя до двух годков, да и померла от огневицы[1 - Так на Руси называли лихорадку.]. А тебя вот, ну, Горыню, выходили да к делу никак приставить не могли. К воинскому искусству оказался негоден, даже к девкам на околицу не ходил. Пустой человек. Ни души, ни разума.

– И обычное это дело, такие, как я? – Константин тоже присел рядом.

– Не скажу часто, но бывает. – Старик покачал головой. – Сам вижу в первый раз, а вот полковой волхв, тот сказывал, что видел такого. Но ты, паря, языком-то не чеши. Чего деревенские спрашивать будут, улыбайся и молчи. Целее будешь. Кроме меня и Никифора, что ты пришлый, никто не знает. Ну, вот вечером староста будет знать. А для всех – тебя Никифор исцелил. Но память ты потерял. Деревня у нас, конечно, не простая – воинская деревня, под рукой князя Медведева. Холопов и смердов тут нет, но болтунов хватает. Так что держи пасть на замке, а язык прибитым к зубам. Целее будешь... – Старик вздохнул. – А как ты там, рукой, ну вот этак... – Он изобразил удар по горлу.

– Это просто. – Константин, не вставая, медленно показал движение. – Важно ещё пальцы сжать вот так. Но только перед самым ударом.

Пока остальные подпаски гоняли коров, не позволяя им выбраться за пределы пастбища, Константин делился с дедом разными тонкостями боевых искусств, стараясь при этом не особенно размахивать руками, потому как мальчишки,

которых определили к стаду, были весьма глазастыми и уж точно не страдали немотой.

Наконец, когда дед хоть немного удовлетворил своё любопытство, стал сам рассказывать о жизни в селе.

– Тут у нас, паря, всё по-простому. Староста, он отвечает перед миром и перед князем. Налоги мы сдаём в казну уезда, но главный наш налог – люди. Каждый год на службу князю из села уходит пара подготовленных воев. Служат по десяти лет, а дальше как сами решат. Или деньгой получают выслугу и сюда возвращаются, или берут землёй на дальних рубежах и туда едут с хозяйством, или дальше служат князю, но уже там расчёт вдвое, а кому и втрое от прежнего, так что желающие есть. Кто-то идёт в вои сам, сверх списка, но тогда веси положен откуп. Или деньгами, или послаблением в подати. Но воинская служба у нас в почёте. В каждой деревне есть пусть маленький, но свой отряд. И от кромешных тварей защита, и от людишек лихих.

– Кромешные твари? – Константин заинтересованно посмотрел на главпастуха.

– В хорошем месте ты жил, если не знаешь, что это такое. – Старик вздохнул. – У нас кромка эта, почитай, рядом совсем. Только шаг ступи. Иной раз такое чудище вылезет, а деревенские и не сдюжат, тогда упырь откормится на силе человеческой, и упокоить такого большой крови стоит. То охотников да Перуновых сотен забота. Для того у них и сбоя[2 - Оружие.] лучшая, и брони, и сами вои из отборных. Иначе с кромешниками да тварями им не сладить. Но и честь Перуновым воинам великая. Но попасть в сотню тяжко, а в охотники ещё тяжелее. Из набора в три сотни Перуновым благоволением едва ли пара человек уходит. Остальные только после службы в обычных тысячах.

– А со мной как?

– Да как, оботрёшься в селе, а там посмотрим. Чего тебе сейчас куда лезть? Мозги у тебя встали нормально, вона как меня отбил. Остальную науку сам поймёшь. Одно скажу. Не знаю, как там у вас, откуда ты, но здесь с девками строго. Если понесла – женят. А так, вона к вдовушкам ходи, хоть корень сотри до комля. Они ж все корень мары пьют. А если и понесёт, то дитя как бы всего мира считается.

– А кто такие смерды?

Дед усмехнулся.

– Смерды – это те, кто под хозяином живёт. Едят – пьют, всё хозяйское. Ничего своего нет. Но и живота лишить смерда никак не могли. Кормить-поить обязан, одевать-обувать. А уж он на тебя работает, стало быть. Ну, как может. В смерды идут в основном или погорельцы, у кого семьи нет и помочь некому, или из долговых, за кого хозяин деньгами вступится, или совсем людишки пропащие, типа галицких или полонских. Есть ещё холопы, но их совсем мало. Тако кличут потомственных в услужении. Бывает до десяти поколений в слугах княжеских ходят.

– А вот эти герцоги там и графы, они к нам вообще как?

– Да никак. – Дед вздохнул и, приложив к глазам руку козырьком, посмотрел на солнце. – Служилые, те да. Но служилых не много. В основном больше таких, кто титул и достояние своё нажил как-то да часть денег обратил в родовой знак. Они в основном зовутся герцогами, графьями да баронами всякими. А служилые, те или князья с боярами, дворяне, стольники или вои. Есть ещё по службе всякие разделения, но это тебе пока ни к чему. – Он неожиданно легко поднялся на ноги и громко крикнул: – Егорка, Васята, собирай стадо! А тебе, – дед строго посмотрел на Горыню, – идти следом, смотреть, чтобы ни едина животина не отбилась.

Стадо собрали скоро, тем более что в лес никто не забрёл, и под хлопки кнутов и лай огромных, черных, словно смоль, косматых псов погнало к селу. Костя шёл замыкающим и лишь посматривал, чтобы живность не отставала, для чего было достаточно щелкнуть бичом, и рогатый скот быстро сбивался в кучу.

До села была всего пара километров, и меньше чем через полчаса стремительно редящее стадо брело по улице, разбираемое владельцами.

Тут-то и нагнал Горыню Никифор, пристроившийся рядом.

– Твой дом, вон, в конце улицы. Неказист, конечно, но крепкий. Хозяйства у тебя, можно сказать, нет. Столовался прежний Горыня или у бабки Тасьи, что приходится тебе дальней тёткой, или чего-то сам варил. Помогал соседям, чего

тяжёлого сделать, и те платили продуктами. Всё. Мне пора. Зайду ближе к вечеру. Завтра с пастухами не вставай, отдыхай покамест.

– Было бы от чего отдыхать. – Костя стоял на пороге чуть перекошенного сруба, где кроме закопчённой печки, широкой лавки и почерневшего стола не было ничего. Даже пол был не дощатый, а просто утоптанная до каменного состояния земля. Совсем маленькие окошки, тем не менее, были забраны настоящим стеклом, хоть и в наплывах, но довольно прозрачным.

– Это дело так не пойдёт, – резюмировал Константин и для начала принялся за уборку и ревизию. Вымел из углов кучи объедков и мусора, который просто и без изысков покидал в топку печи. Потом настал черёд печки, но проведённый осмотр ни щелей в кладке, ни повреждённого воздуховода не выявил. Простое кресало прилежно высекло искру, и скоро в печи заплясал весёлый огонёк.

Продуктовые запасы не порадовали, но и не слишком огорчили. Несколько склянок с маслом, бочонок с кислой капустой в погребе, зачерствелый хлеб и початая бутылка чего-то мутного со слабым запахом спирта и ягод.

– Негусто, – резюмировал Костя и полез искать закладки. Богатый опыт обысков в домах дал ему возможность быстро найти несколько тайничков. Монета – плотный тяжёлый кругляш диаметром примерно в три сантиметра с чеканным мужским профилем на аверсе, какое-то украшение в виде массивного медальона из белого металла и два десятка мелких монеток разного цвета, в грязной полинялой тряпице. Последнее явно было кладом самого Горыни, и, вздохнув непонятно от чего, Константин отставил в сторону найденные сокровища и занялся едой. Приготовил скромный ужин, распарив закаменевший хлеб в чугунке с водой и наложив в тарелку капусты, только сел перекусить, как раздался тихий звук шагов.

С оглушительным скрипом распахнулась входная дверь, и на пороге появился Никифор, сжимая в руке свой странный посох.

– Пойдём. Староста ждёт. – И увидев взгляд, брошенный Константином на еду, улыбнулся. – Там покормят.

Дом старосты – просторный пятистенок, с высокой крышей, над которой гордо реял маленький треугольный флаг алого цвета с вставшим на дыбы медведем, – стоял на деревенской площади. Кроме дома старосты на площади располагались управа, храм Рода и общинный суд, где проходили все собрания глав семей.

Всю эту картину мгновенно отпечатал в памяти тренированный разум Константина. Поднимаясь по ступенькам высокого крыльца, он, уважая хозяйку, тщательно вытер подошвы об лежавшую у входа тряпку и, поклонившись, вошёл в просторную светлицу.

– Мира вашему дому... – Горыня ещё раз поклонился и встретился взглядом с коренастым широкоплечим мужчиной с седыми волосами; одет тот был в холщовую рубаху, широкие штаны и мягкие сапоги.

– Да, Никифор. Это не Горыня. – Староста взгляделся в глаза Константина и, отведя взгляд, покачал головой. – К добру ли...

– То лишь Род ведает. – Никифор усмехнулся. – Скажи лучше, что с вирой?

– Вирой? – Староста нахмурился. – Виру за поругание общинной земли вложил в казну общины. Или не так?

– Не так, Аким. – Никифор не прекращал улыбаться, но глаза его опасно сузились, а руки, державшие посох, ощутимо напряглись. – Вирная запись гласит: «За поругание земли общины, за оскорбление общинника Горыни, за угрозу убийством общинника Горыни». Две трети виры – его.

– Да как же это? – Староста удивлённо поднял брови. – Он, можно сказать, на попечении общества был всё это время. Общество его кормило, пило, одевало, обувало...

– Кислой капустой да чёрствым хлебом? – Константин покачал головой. – Да, видно община совсем прогнила, если такие дела в ней творятся. Выдай-ка мне положенное, да пойду я отсюда прямо с утра. Нечего мне делать в месте, где имя закон – пустой звук. – Он встал и шагнул к выходу, когда на его плечо легла тонкая женская ладонь, пахнувшая травами.

– Пстой, воин. – Возникшая словно ниоткуда моложавая женщина, в длинном сарафане, с тонким золотым ободком на лбу и в повойнике[3 - Повойник – традиционный головной убор славян.] вздохнула и, взяв гостя за руку, посадила на лавку. – Простите моего мужа, гости дорогие. От забот и тревог за нашу весь забыл и законы людские, и законы богов.

Теперь Константин видел настоящего главу поселения. Высокая, темноволосая, статная женщина с властным лицом и пронзительными льдисто-голубыми глазами. Жена старосты говорила низким, бархатным голосом и так, что казалось, трепетала каждая жилка в организме.

– Ты, Горыня, получишь всё до последней монеты, а ты, волхв, прими в дар от мира[4 - Мир – синоним слова «общество» на Руси.] сто рабочих часов на благо травного подворья и лекарской избы.

– Я согласен. – Никифор кивнул и посмотрел на Константина.

– А расскажите, хозяйка, для чего срочно нужны деньги? – Константин внимательно посмотрел в глаза женщине. – Может, я как-то смогу помочь?

– Помочь... – Жена старосты невесело усмехнулась. – Недород же был в прошлом году. Вот и скопились недоимки. Могли бы списать за счёт воинского набора, да куда там. Только три человека в этом году в набор уходят. Больше никак не собрать. Тридцать гривен нужно заплатить – столько, сколько взяли вирой. А ещё зерно закупать на посев...

– Хорошо. – Константин кивнул. – Люди действительно не дали мне помереть, когда я без разума был, и это – долг чести. Пусть моя часть виры с той девицы вся уходит в казну, но мне нужно кое-что. Лес строевой, инструмент плотницкий и столярный, посуда для дома да стёкла оконные. Буду дом в порядок приводить.

– Будет так. – Зоря склонила голову, признавая договор заключённым. – А теперь, гости дорогие, прошу к столу...

Жизнь нужно прожить так, чтобы депрессия была у других.

Старшему управителю собственной государевой канцелярии боярину Орлову

Настоящим спешу донести, что имеются случаи засылки в империю магов-кромешников и боевых магов – выпускников военно-магических факультетов Лейпцигской, Лозаннской, Лондонской и иных школ, проходящих служение в Орденах Креста, Странствующих рыцарей, Огненной купели, Песочных часов и других.

Цель внедрения – получение Камня – источника, а также проведение массового обряда жертвоприношения для инициации выброса некротической энергии с последующим её собиранием в артефактах и боевых амулетах.

Лавинообразное повышение стоимости подобных амулетов на рынках Европы, Магриба и Востока способствует попыткам различных орденов получить новые источники энергии, а также упрочить своё положение в ситуации внутри европейских войн.

Управитель первого стола Тайной канцелярии дворянин Джимгурдин Бэлджо.

Резолюция главного управителя дел Тайной канцелярии боярина Худякова.

Копию в Личную канцелярию государя.

Копию в архив в дело номер 288/100.

Копию в третий стол Тайной канцелярии, с пометкой «срочно».

Собственной рукой написано и печатью заверено.

Худяков

История обретения благодати восходит своими корнями к временам столь древним, что предания о них сохранились лишь благодаря памяти людской и скрижалям, что высекали на золотых листах монахи древних монастырей.

В своём труде Гермес Трисмегист прямо указывает дату обретения благодати как год тысяча сто пятый до Рождества Истинной Благодати и описывает его как божественное сияние, спустившееся с небес и зажёгшее двадцать больших источников по всей Земле.

Поиски этих источников, соотнесение их с силами стихий и божественных сил продолжались на протяжении более чем тысячи лет, и обретение последнего источника – Золотой Пирамиды, в империи инков, произошло в один день и в один миг, с появлением на свет дитяти богов и людей, прозванного в народе Иисусом Иерусалимским, великим магом, прославившим своё имя многими славными делами, включая создание десятков средних и сотен малых источников на землях монастырей и храмов.

Каждый источник был посвящён своей стихии, и именно этому мы обязаны столь широкому разнообразию видов и типов магических сил на землях Европы, Северной Африки и Ближнего Востока.

Из книги «Источник в душе и в сердце»

монаха Ордена Песочных часов Джона Бенедикта Благословенного.

А полусотней километров восточнее, на берегу неширокой реки, где раскинулось родовое владение князей Стародубских, начинался праздник. Князь, потерявший сына в случайной стычке с разбойниками, всю свою любовь обрушил на единственную наследницу огромного состояния семьи – юную Марию Стародубскую. Для неё нанимались лучшие учителя, покупались дорогие наряды, и вот теперь, в день совершеннолетия, князь устроил роскошный бал, словно желая сиянием свечей затмить горе, обрушившееся на семью с потерей единственного сына.

На бал собрались гости со всей Руси, а кое-кто даже приехал из-за границы, как, например, деловой партнёр князя – нумеролог[5 - Нумеролог – человек, изучающий магию чисел.] граф Борхард[6 - В реальной истории видный математик.] и старинный друг семьи – этнограф Карл Маркс, изучавший обычаи и практики арабских колдунов. Гости, прибывшие в костюмах прошедшей эпохи, танцевали под модный в этом сезоне вальс, знакомились, флиртовали и, конечно, решали многие насущные дела. И лишь графиня Светлова, прибывшая в числе последних гостей, была явно не в духе. Отдав в качестве своей доли виры тысячу рублей серебром, она просто истекала злостью к смердам, посмевающим так унижать её, жрицу кромки в пятом поколении. Волхва ей не достать, это было понятно. На своей земле он десяток таких, как она, закопает и не вспотеет. А вот холопа с наглыми глазами, словно раздевавшими её, прямо там, на дороге, можно и нужно было наказать.

К слову сказать, причина приезда графини была весьма не праздной. Многоходовая интрига по соблазнению юной княжны Стародубской вступила в завершающую фазу. Виконт Рошфор, статный красавец и выпускник Лилльской школы благородных мужей, был уже «заряжен» любовной аурой, снабжён деньгами и обложен нужными людьми, так что этой маленькой птичке не вырваться.

Но и свои дела графиня не забывала. План мести, который за столом только обрёл первые очертания, во время игры в фанты оформился окончательно, и, сказавшись больной, графиня поспешила в выделенную ей комнату, чтобы там, без свидетелей, подготовить всё нужное.

Через три дня, когда основная масса гостей начала разъезжаться, а сам князь ускакал на охоту, графиня, переодевшись в дорожный костюм, прошла к конюшне, где сама оседлала и вывела Уголька – чёрного, словно смоль ахалтекинца.

Рысью выскочив из распахнутых ворот, она погнала вороного к краю огромного лесного массива, примыкавшего к землям князя, и, лишь оказавшись в самой чаще, соскочила с коня. Бросив поводья, пошла пешком. Звериное чутье не подвело её, и к ночи Елена вышла к одной из волчьих лёжек. В глубине старого, поросшего лесом, оврага повсюду белели разбросанные кости, и над логовом стоял стойкий запах псины.

Сняв с плеча сумку, графиня достала большую литровую бутылку из тёмного стекла и, откупорив пробку, стала лить густую, словно мёд, жидкость тонкой струйкой на землю, рисуя сложный узор. Когда рисунок был закончен, аккуратно вернула пробку на место и спрятала бутылку в сумку. Потом настал черёд других ингредиентов, и в конце графиня сняла с шеи медальон, опустив его в ямку посреди узора, и замерла, внимательно просчитывая структуру плетения и проверяя, всё ли в порядке. Затем разделась догола и, встав в определённой точке, движением руки активировала плетение.

Линии сразу засветились синеватым цветом, окутав поляну колдовским светом, и в тишине замершего леса сначала едва слышно, а потом все громче и громче стал прорезаться резкий пульсирующий звук, словно сам Соловей-разбойник вышел из своей могилы. Звук рвал кроны деревьев и гнул к земле мощные стволы, но на поляне, будто застывшей в янтаре, не колыхнулась ни единая травинка.

Через минуту рядом с ведьмой начало сгущаться серебристое облако, из которого на траву легко выскочило четырёхлапое существо, похожее на огромную обезьяну, но только с серо-стальной шкурой, длинными когтями и рядом острых, игольчатых зубов в широкой пасти.

– Ур-рх-х. – Существо, переваливаясь, подошло к ведьме и неторопливо провело когтём по ее молочно-белому бедру, оставляя кровавую борозду. Потом опустило голову, длинным языком слизнуло кровь с ноги и, блаженно зажмурившись, стояло какое-то время, покачиваясь, словно в трансе, но через минуту широко раскрыло глаза и подняло взгляд.

– Ур-рорхх гр-рым.

– Ты знаешь, что мне нужно. Принеси его сердце.

– Уох уох-х. – Существо словно захохотало и село, подтянув ноги под себя. – Вохх иу?

– Хорошо. – Колдунья, усмехнувшись, шагнула вперёд. – Только быстро, а то я тебя знаю. – И встала перед упырём на четвереньки.

К удивлению Константина, инструмент, привезённый с утра мужичком невысокого роста с длинной окладистой бородой, оказался весьма неплохого качества. Топор, лучковая пила, несколько стамесок были остро заточены и аккуратно переложены промасленной тряпичей.

– Эта... инструмент, ну? – Мужчина, сдвинув шапку на затылок, размахивал руками, показывая на короб с железками. – Топор значить...

– Я знаю, что такое топор. – Константин кивнул и подхватил сундук. – Когда лес привезут?

– Ох... – Мужичок отшатнулся, словно увидел чудовище. – И вправду Никифор вылечил убогого. – Ты, это... значить... Топором сторожко, острый он. Свояк у меня брился им, – зачастил он, словно боясь, что его остановят. – И лес товой, ну да, с деляны везут, значить. До полудня привезут. А то эта, ну, тут артель плотников пришлых, значить. Они вроде подряжались крыльцо резное сладить в доме Родовом, да видать не сошлись в цене. Так сейчас по дворам ходят да ищут работу, значить.

– А берут-то дорого?

– Ну, токмо серебрушку в день, отдать нужно. Да харч какой-нито взять опять жешь.

– Харч, это интересно. – Заинтересованный Костя кивнул. – И где тут харч берут?

– Так знамо где... – мужичок удивился. – У Гаврилы Кушки. Вот как пойдёшь по улице, так вон туда, а там изба с крышей такой, ну, сразу кочета, в багрец повапленного[7 - Кочет, в багрец повапленный – петух, крашенный в алый цвет. Обычно такое украшение ставили на коньке крыши, как символ удачи.] видать. Кабак тама. И харч тама.

Пока Костя ездил с говорливым мужичком за едой, пока сговаривался с плотниками да размечал, чего нужно сделать, подвезли пять длинных телег с брёвнами. Правда, на каждой уместилось лишь четыре-пять штук, но в итоге получилось немало.

Визит в трактир заодно прояснил и денежную систему государства. Выходило так, что самым дорогим металлом была платина, или так называемое истинное серебро, из которой делались гривны[8 - И в реальной истории в те времена делали деньги из платины.]. И шла одна полновесная гривна за сто золотых рублей.

Каждый золотой рубль, в свою очередь, был равен десяти серебряным гривенникам, а те – десятку медных копеек.

Запас продуктов на несколько дней обошёлся Горыне в пятьдесят копеек, а трёхлитровая бутылка ягодного кваса – ещё в три копейки, правда, бутылку нужно было отдать обратно.

Первым делом подняли угол дома и выправили сруб. Потом настал черёд крошечных слепых окон, которые расширили против прежнего почти в три раза, и снесли старое, развалившееся крыльцо. Затем выкопали новый погреб, а рухнувший сарай и хлев разобрали на дрова, и на этом месте начали делать основание под баню.

Через три дня, когда на верхушки стен завели ещё по паре брёвен, поднимая высоту дома, и заново сладили крышу, дом было не узнать. Мужики сделали красивые резные ставни на окна и даже изящного конька на крышу крыльца, а местный каменщик сложил белую печку для бани и переложил печь в доме.

Вся работа обошлась Константину в пятнадцать золотых, что было очень даже немало, но сделанное того стоило. Теперь он мог спать на нормальной кровати и складывать вещи не в сундук, а в шкаф, который сделал сам, распустив бревно на тонкие доски. Но совершенно неожиданно для него самым эпичным строением, на которое под разными предлогами прибегало смотреть все село, оказалась баня с «белой» печкой и парилкой – каменкой. Баню сразу же прозвали «боярской забавой» но ещё более неожиданным было то, что к избе, бане и приведённому в порядок участку стали проявлять нездоровое внимание девицы на выданье, сделавшие этот кусок улицы штатным участком для вечернего променада, а лавку у ворот местом встреч и посиделок.

Выставив плотникам по окончании работ бутылку вишнёвого самогона и рассчитавшись, Костя проводил телегу, на которой они уезжали на новый

«объект», и первый раз за три дня сел передохнуть на вкопанную рядом с домом скамейку под раскидистой вишней.

За время ремонта Константин, пусть и шапочно, перезнакомился почти с половиной жителей деревни, и теперь каждый проходивший мимо здоровался или бросал заинтересованный взгляд на аккуратный дом бывшего деревенского дурачка.

К удивлению Константина, в основном жители реагировали с умеренным интересом, пытаясь понять, что за человек новый Горыня и чем он может быть лично им полезен. А так как обещаний тот не раздавал, помочь, несмотря на свою богатырскую силу, никому не рвался и вообще вёл себя замкнуто, общий интерес сам собой рассосался.

Зато тётка Анастасия, что кормила его со своего и так небогатого хозяйства, совершенно неожиданно расплакалась от счастья и стала Горыне самым близким человеком в деревне. Он, как мог, поправил и её хозяйство, но там проще было всё снести и отстроить заново, так что Горыня потихоньку начал уговаривать тётку переехать к нему жить совсем, отдав старый участок на мир.

Никакой повинности для Горыни так и не придумали, что дало возможность ему обойти все окрестности села, стоявшего на невысоком холме с плоской вершиной. Взгорок был всего метров десять, но довольно крутым, и сразу упирался в частокол из мощных дубовых брёвен, за которым находилась дорожка для стрелков и дозорные башни. Всё почерневшее от времени, но крепкое до звона и готовое простоять ещё два века.

Несмотря на то, что округа уже вот как полсотни лет жила в мире, дозорные выставлялись каждый день, что, как полагал Константин, было частью воинского обучения. Также было интересно, что оружие имелось в каждом доме, и довольно разнообразное, хотя больше всего длинных однозарядных ружей крупного калибра и сабель с тяжёлым лезвием. В ходу здесь были и обереги от различных напастей, и даже амулеты, позволявшие, например, видеть в кромешной темноте, защищать владельца от чего-нибудь, или насквозь бытовых, типа светлячка, освещавшего дом.

Мир, куда угодил Константин, был интересным, и, складывая по кусочкам картинку, он не переставал удивляться тому, как сложно и противоречиво всё

скроено. На металлических деталях инструмента было выбито явно заводское клеймо, и по поверхности металла были видны переливчатые следы магии, укрепляющей металл, а бутылки в трактире вписывались в некий стандарт, как минимум, по высоте и диаметру. А ещё были самовары и керосиновые лампы, хотя последние явно не пользовались спросом, в силу того, что янтарные шарики, заряженные магией, давали свет не хуже и при том были куда безопаснее. То есть где-то была промышленность, которая всё это производила, причем производила уже давно, так как сформировались стандарты.

В местной версте было ровно тысяча аршин, а в аршине – сто вершков. Также к нормальной метрической системе были подогнаны и другие величины. Типа малый пуд и штоф, что соответственно равнялось килограмму и литру. В ходу, из традиционных, были лишь пуд и линия, причём только для оружейных стандартов.

У сельского кузнеца кроме орудий труда Константин видел и мечи, и копья, но это ровным счётом ничего не значило. Доспехи тоже существовали в то время, когда уже были мушкеты. Конечно, шанс нарваться на автоматическое оружие был невелик, но Костя понимал, что этот мир его ещё не раз удивит.

– Скучаешь? – Рядом на скамейку плюхнулся главный пастух села, а по совместительству наставник местного войска Луконя, отслуживший в своё время двадцать пять лет сотником княжьего войска.

– Отдыхаю. – Константин улыбнулся. – Второго дня только спровадил работников. Зайдёшь в дом? Я квасу свежего от Опанаса принёс.

– Да что тот квас... – Старик отмахнулся. – Мы с Никифором тут всю голову сломали, думая, куда тебя пристроить. Ты в воинском деле как?

– А черт его знает. – Костя пожал плечами. – Не знаю я, что тут у вас воинским искусством называют. Может, машете мечами до посинения, так это не ко мне. Я в железках этих вообще никак не соображаю. Ну, если только с ножом или с палкой. Но с ножом против меча не пойдёшь. С винтовкой нормально управляюсь, да вот только пока не по карману мне такое.

– Думаешь, у князя в дружине мастера меча служат? – Усмехнулся Луконя.

– А ты меня уже и в дружину прописал?

– Да кудя тебе деваться-то? – Старик удивлённо приподнял серебряно-седые кустистые брови. – У кузнеца уже подмастерья да ученики есть, да и стар ты в ученики идти. Надел тоже поднять не успеешь, даже если выделит тебе община. А зима она не тётка – пирожка не поднесёт.

– Придумаю. – Константин махнул рукой. – А в кабалу на десять лет идти, так этого мне не надо.

– А как же по-другому? – Дед от возмущения всплеснул руками. – Ты же не боярский сын какой да не отслуживший срок. Да и кто возьмёт тебя на свободную-то службу? Сам вона сказал, что воинским делом не разумеешь!

Дед посидел ещё какое-то время, подходя к теме с разных сторон, но через полчаса ушёл, махнув рукой, а Константин, чтобы не разряжать осветительный камень, лёг спать. Спал он чутко, поэтому, когда на улице тревожно забил колокол, быстро вскочил, намотав портянки, надел сапоги и выскочил на улицу.

Бежавшая мимо девчонка – дочь старосты – крикнула на бегу:

– Упырь на луговой стороне! – и унеслась прочь, а Константин рванул в противоположную сторону, где уже, судя по звукам, разгоралась битва.

Когда он поднялся на стену, там столпилось больше двух десятков мужчин, в основном с топорами на длинных рукоятях и тяжёлыми длинноствольными ружьями.

– В башку ему бей, в башку! – надсадно кричал кто-то слева, неожиданно сильно громыхнул выстрел, и кислотовое облако порохового дыма на несколько секунд заволочло стену.

Когда дым рассеялся, в свете факелов, Горыня разглядел чудовище, похожее на огромную карикатурно искажённую фигуру человека. Размером примерно с быка, с узловатыми мощными конечностями и сравнительно небольшой головой на широченных плечах. Пуля попала куда-то в бок, и, взвизгнув, упырь дёрнулся и, подняв голову, уставился кроваво-красными глазами на людей. В этот момент

Константин мог поклясться, что существо смотрит именно на него, но через секунду, упырь, рыкнув, в несколько скачков достиг стены, и от тяжкого удара люди чуть не попадали вниз, а от брёвен полетели мелкие щепки.

Мужики бились, словно сработанная артель. Кто-то подавал ядра и порох, кто-то заряжал пару мелких пушек, а кто-то стрелял сверху, и не было видно никакого командования, но при этом ни капли суеты и беспорядка.

– Силён упырь, – сказал кто-то сзади. – Первый раз такого вижу. Эх, жаль, Никифор уехал. Теперь без него совсем кисло будет.

Когда Горыня оглянулся, то увидел коренастого мужчину с карабином в руках, быстро заряжавшего трубчатый магазин патронами.

– На, держи. – Он сунул ему в руки ещё пару магазинов и простой холщовый мешок с патронами. – Заряжай и подавай.

Вскинув ружьё, мужчина не торопясь всадил все шесть пуль точно в упыря, отчего тот взревел ещё громче и снова ударил в стену. Но если первый раз стена выдержала, то сейчас в треске и гуле удара Костя явно слышал хруст дерева.

Теперь в монстра палили со всех стволов и даже кидали небольшие гранаты, но было незаметно, что это как-то ухудшает здоровье упыря. Наоборот, он стал кидаться на стены чаще, и здоровенные брёвна частогола уже явственно накренились, сдаваясь под напором чудовища.

– Ваня, бей в колокол «двойную зорю»! Пусть уводят детей и мамок в схроны!

Колокол сразу зачастил, выбивая какую-то сложную дробь, а пушкари, наконец взявшие прицел, ударили с двух стволов по упырю, взбивая пыль вокруг попаданием крупной картечи.

Ещё один удар, и под треск ломающихся брёвен и хруст расплзающегося настила, люди посыпались со стены горохом. Несмотря на внезапность, большинству защитников села удалось вовремя отпрыгнуть в сторону, а тех, кому повезло меньше, быстро вытаскивали из-под завала.

Увидев ноги, торчащие из кучи брёвен, Константин разметал дрова по сторонам и, приподняв без усилий толстый, почти в обхват, остаток частокола, одним движением ухватил человека за ногу. Выдернув его из завала, откинул куда-то далеко, а когда поднял голову, перед ним уже щерилась двумя рядами острых зубов морда упыря.

Не раздумывая ни секунды, Горыня воткнул кулак ему в свиной пяточок, вложив в это движение всю новоприобретённую силу и весь свой опыт владения боевыми искусствами. Ощущения были такие, словно кулак врезался в каменную стену. Боль в повреждённой руке вспыхнула и затихла, задавленная волевым импульсом, а чудовище осело на задние лапы и замотало башкой, чтобы прийти в себя.

– Бей, Горыня! – Откуда-то справа и сверху рукоятью вперёд упал тяжеленный топор с двумя лезвиями и длинным тонким шипом в середине. Подхватив оружие, Костя взмахнул рукой, проверяя массу и баланс, и, не давая упырю более ни мгновения передышки, рубанул лезвием по голове. Почувствовав встречное движение, чуть сдвинулся в сторону, пропуская лапу с когтями мимо, и, с хрустом и скрипом вытянув топор на себя, снова качнулся вперёд, вбивая сталь в рану и прорубая голову почти до самой шеи. Выдернув топор последний раз, резко прыгнул вверх и, падая, ударил топором, вкладывая в движение всего себя до капли и прорубив упыря почти до середины груди.

Глаза на разваленной башке упыря мигнули, глядя в разные стороны, и он завалился на спину, выдернув оружие из рук Константина. Сразу же откуда-то из-за спины подскочили несколько стрелков, разрядивших ружья в упор, а остальные принялись споро разбирать завал в поисках уцелевших.

– Молодец. – Тяжёлая рука хлопнула Константина по плечу, и, повернув голову, он увидел мужчину, которому заряжал ружьё. – Хороший удар.

– А чего ж его пули-то не брали? Калибр-то вполне серьёзный.

– Калибр? – удивился стрелок и, перехватив взгляд, направленный на ствол ружья, произнёс: – А, ты про размер. Так, шкура-то у него какая... Любая пуля отскочит. Только вот если из пушки, да попасть хорошо, да картечь стальная или вообще серебряная. Да только мало железа и стоит дорого. Оттого и стреляем голышами да каменным дробом. А они только людей пробивают. От шкуры

упыря, сам видел, – отскакивают да крошатся в пыль.

– И часто такое? – Горыня кивнул на лежавшего ничком монстра.

– Не часто, но бывает. – Мужчина подошёл к голове упыря и потянул топор за рукоять, но тот даже не шелохнулся. – Давай вынимай, а то Глеб орать будет на всё село.

Костя, чуть поднатужившись, со скрипом выдернул топор и обратил внимание на лезвие. Сталь была смята, словно удар пришёлся не по плоти, а по наковальне.

– Точно будет орать. – Мужчина вздохнул. – Да и хрен с ним. Староста пусть платит. Упыря не пустили в село – великое дело. Таких дел бы наворочал. А ты не кручинься. Тебе ещё награда от князя положена. А за такого могут и вдвое дать. Вона, какой матёрый. И чего он к нам полез?

Но вопреки ожиданию хозяин оружия только хмыкнул, увидев замятое лезвие.

– Знатный удар. – И оглянувшись на кузнеца, стоявшего в отдалении, спросил: – Лукьян, поправишь мне топорик? Смотри, как этот молодец его уработал.

– Поправлю, чего же не поправить. – Кузнец, коренастый мужчина в толстом тегиле и потёртых кожаных наручах, посмотрел на лезвие. – Даже перековывать не нужно, так сделаю. Только вот рукоять... – Он с сомнением посмотрел на смятую, словно та была сделана из пластилина, ручку. – Нет, сделаю топор наново. Эх, тебя бы в кузнецы с такой рукой, да стар ты уже. Только вот если в подручники... пойдёшь?

– Нет, дядько Лукьян. – Горыня покачал головой. – Действительно поздно мне. Всю науку не постичь, а быть до старости подручником...

– Ладно. – Кузнец кивнул, признавая правоту Горыни. – Сделаю.

– Сработает и отдай вон ему. – Глеб кивнул на Горыню. – Пусть будет у него. Такое дело сделал. Это ж видано ли, с двух ударов завалил матёрого упыря. Всей весью ему поклониться должно.

Лукьян снова кивнул.

– Сделаю лучше прежнего из уральского железа и с рукоятью из морёного дуба. Тяжёлый будет, но ты вона какой здоровый, обвыкнешь.

Завал из рухнувших брёвен частокола уже разобрали, а раненых отвезли в лекарскую избу. Староста, обходивший место боя, остановился перед Горыней и неожиданно в пояс поклонился.

– Спасибо тебе, Горынюшка. От всей веси прими поклон. Спас всех нас. Такое страшилище завалить...

– Это что, – подал голос Гридя. – Он этого упыря кулаком как есть опрокинул. Самолично видел. Хрястнул ему в пятак, да тот так и сел на жопу.

Мужчины, которых медленно отпускал страх за родных и близких, сначала негромко, а потом в голос расхохотались.

– Ну, учудил, Горыня. Это ж надо, кулаком ему в харю тыкать...

– Так не было оружия. – Костя пожал плечами. – Не бежать же от него прятаться.

3

– Красная Шапочка, а почему ты гуляешь в лесу так поздно?

– А чего мне бояться? Стреляю быстро и точно. Крови не боюсь, патронов до хрена...

Газета «Московские новости». 5 червена 7358 года. Новости кратко

Публичная порка купца Никандрова, поставившего негодные шестерни для подъёмников Московского императорского университета, состоится в полдень шестицы на наказной площади.

* * *

Выпускные экзамены Безбородовского училища Тайной канцелярии прошли в Тверской губернии в присутствии великой княжны Ольги и шефа училища неведника[9 - Неведник - маршал.] князя Бенкендорфа. Выпускники показали высокое мастерство в скрытом преодолении полосы укреплений и в прочих науках, входящих в курс обучения.

* * *

Представления скоморошьей компании «Круг» вновь вызвали пересуды в московском обществе и многочисленные обращения к городскому исправнику общественного надзора. В ходе представления скоморох Аркашка Рязанский уронил с чресел штаны, и публика могла лицезреть его заднюю часть в свете многочисленных фонарей, освещавших сцену зала купца Горшенина.

Особо чувствительные дамы тут же упали в обморок, а негодующая публика хотела идти бить скоморошью кодлу, и только вмешательство охранителей остановило расправу, обещанием подробно разобрать нарушение общественного порядка и примерно наказать виновных. Тем не менее, билеты на следующее представление раскуплены совершенно, включая галёрку и приставные кресла.

Графиня Светлова в момент смерти призванного ею упыря ужинала в весёлой компании молодых людей и выбирала тех, с кем проведёт эту ночь. Пока безусловными фаворитами были дворянин Бельский и граф Миллер. Оба высокие, статные и широкоплечие, с красивыми ухоженными лицами и буквально купавшиеся в облаке дорогих духов.

Посмертный выплеск сбросил её со стула, и, потеряв сознание, графиня рухнула прямо на грязный пол трактира, устроив немалый переполох в своей свите. Занеся Светлову в комнату, молодые люди послали за лекарем и, подумав, что с

припадочной иметь дело себе дороже, вернулись к столу.

На следующий день в село на взмыленной лошади примчался Никифор и, внимательно осмотрев упыря, которого отволокли на околицу, наложил заклятие от гнили и порчи. Потом осмотрел разрушенный частокол и долго разговаривал со всеми, кто был в ту ночь на стене, оставив Горыню напоследок. Но и его пытал недолго, основное время посвятив осмотру уже заживающей руки, после чего оставил стекляшку с каким-то зельем и ушёл.

А к вечеру того же дня Горыне стало плохо так, что он не смог подняться с кровати, и в таком положении его застала Настасья – одна из многочисленных дочек живущего через улицу кузнеца Лукьяна. Всполошившись, привела сначала травницу, а уж та подняла и Никифора, снова чуть не уехавшего по своим делам.

Осмотрев руку, потемневшую до локтя, волхв вздохнул и покачал головой.

– Жизни тебе от силы пара месяцев. Отравил тебя упырь клятый. К ревуну[10 - Ревун – сентябрь в исчислении славян.] сляжешь и не поднимешься. И я, дурак старый, подумал, что тебя Ро?довым промыслом обнесёт лихо.

Думал Константин недолго.

– А вернуть руку, пусть ненадолго, можно?

– Тогда неделя, – сказал, как отрезал, Никифор. – Яд будет не проникать постепенно, а сразу двигаться по всему телу.

– Скажи, а разбойники есть в округе?

Несмотря на ситуацию, Никифор улыбнулся.

– Понятно, что ты задумал. Привести лихих людишек на старое капище, да на камень жертвенный. Есть разбойнички, как не быть-то? Банда Черного на сто десятой версте тракта. Уж сколько ловили ее, да так всё без толку. Там болота да плавни, не найти. След вода смывает, да старая ведьма им ворожит. Думаешь, возьмёшь их?

– Дело не такое уж хитрое. Разбойники – это всё же не военные разведчики.

– Как сказал? Военные разведчики? Что речение сие означает? – заинтересовался Никифор.

– Ну, люди специальные, кто уходит в тыл врага, чтобы все движения войск подмечать и передавать воеводам.

– Пластуны, значит. Ты был разведчиком? – Никифор склонился над небольшим сундучком, который привёз с собой.

– Давно. В начале службы.

– А служил сколько? – Волхв, одним взмахом руки подвинув к себе стол, стал смешивать разноцветные жидкости в пузатой бутылочке.

– Тридцать лет почти. – Константин повернул голову, но из-за спины волхва было ничего не видно, и только волны разнообразных запахов да звон стекла говорили о том, что тот работает.

– Тридцать лет – срок. Сколько же лет тебе было?

– К восьмому десятку подбирался.

– Варвара, дай настой липовика, у тебя свежее, – обратился Никифор к травнице. – И горелку малую давай.

Минут через двадцать, за неспешным разговором, волхв наконец-то сварил зелье и, охладив его в ведре с колодезной водой, поднёс к кровати.

– Это пей сейчас. Организм у тебя здоровый, так что, может, и поболее недели протянешь. Это, – он протянул совсем маленькую бутылочку, – когда совсем плохо станет. На пару часов всего. Потом – смерть.

Староста лично привёл боевого коня с полной сбруей, которого весь выкупила у Ратибора, и набил его сумки всем, что нужно в дорогу. Уже всё знали, что за хворь приключилась у Горыни и куда он собрался, и на проводы собралась почти половина села. Сам Константин предпочёл, чтобы секретность была бы повыше, но в данной ситуации приходилось мириться с неизбежным.

Горыне стоило немало труда отбиться от желающих помочь, но он спокойно и внятно объяснил, что у одного, в данной ситуации, шансы найти банду куда выше, чем у толпы. Зато кузнец поднёс ему чудо чудное – вполне приличный четырёхлинейный[11 - 4 линии – 10,16 миллиметров.] шестизарядный револьвер и небольшой полотняный мешочек с двумя десятками патронов, чем сразу поднял настроение Горыни. Всё-таки однозарядное оружие сильно смущало бывшего армейского разведчика.

Доспехи и поддоспешник он надевать не стал, справедливо полагая, что скорость и подвижность важнее защиты.

К исходу второго дня доехал до приметной сосны, росшей на высоком взгорке, и углубился в лес, ведя коня в поводу.

Следы бандитских засидок и прохода людей искал пять таких драгоценных дней и лишь утром, на шестой, вышел к повороту, где не так давно была жестокая схватка. Об этом говорили и попятнанные стрелами стволы деревьев, и едва уловимый запах крови.

А потом нашёл и путь, по которому уходили бандиты, прихватив добычу. Длинный извилистый овраг с ручьём на дне был удобен как для отступления, так и для обороны, но, как полагал Костя, на одинокого путника, к тому же без доспехов, нападать сразу не будут, а скорее, всё же попробуют выяснить, что ему надобно.

Так и случилось.

Перед очередным поворотом в камень перед ним ударил арбалетный болт и, отскочив, звякнул на камнях.

– Стой, где стоишь.

– Стою. – Костя поднял руки, показывая, что в них нет оружия, и через мгновение раздался звук осыпающихся камней и шорох травы. Кто-то спускался со склона, не сильно беспокоясь производимым шумом.

Неплохо одетый мужчина в сером поддоспешнике, надетой поверх него траченной кольчуге, залатанной проволокой, и с заряженным самострелом в руках неспешно подошёл ближе и смерил гостя взглядом.

– Давай-ка раздевайся да коня своего отпускай. Тебе он боле не надобен будет.

– Вот так, да? А здравствуй, мил человек, чем помочь тебе, дорогой? А к столу пригласить? – Константин явно насмеялся, и разбойник, мгновенно почуяв издёвку, вскинул оружие или точнее стал поднимать самострел, как в лоб ему ударила рукоятка ножа, заставив покачнуться.

В долю секунды сократив расстояние до пребывающего в прострации бандита, Константин перехватил самострел и впился глазами в глаза, ломая волю противника. К его удивлению, бандит почти мгновенно «поплыл», и глаза его слегка остекленели.

– Скажи другу своему, чтобы спускался. Дело у меня до атамана вашего. Не хочу, чтобы подстрелили.

– Галаш, спускайся, проводишь гостя, – негромко, но внятно произнёс мужчина, не отрывая взгляда, и через несколько минут на тропе появился второй дозорный. Через пять минут оба бандита, связанные, сидели рядом, с ошалелыми глазами наблюдая, как Горыня демонстративно правит на камне тонкий, длинный кинжал.

Сломались они не сразу, но быстро, и со сноровкой опытного палача Костя погнал допрос.

– Ещё дозорные на тропе есть? Тайный знак, что всё в порядке? Сколько всего разбойников в лагере? Есть ли посторонние? – И так далее, и несколько кругов подряд, уточняя и закрепляя информацию.

В итоге, зарезав одного разбойника, словно барана, и оставив другого в качестве проводника, он быстро двинулся вперёд, идя с бандитом рядом, словно они старые приятели.

– Стой, Бакай, – раздалось сверху. – Кто с тобой?

– Да от Елисея Калиты человек. К атаману, – бодро крикнул разбойник и махнул рукой. – Я Галаша там оставил, присмотрит, пока не вернусь.

– Ну, иди.

Горыня наконец разглядел дозорного, с удобством устроившегося в развилке толстой дубовой ветви. Короткий взмах рукой, и разбойник, получивший нож в шею, рухнул вниз, замерев сломанной куклой. Бодро ввинтившись меж огромных кустов лещины, разбойник, так и не отошедший до конца от процедуры ломки, повёл Горыню к лагерю.

Всего на дороге промышляло около трёх десятков татей, но уже вторую неделю они безвылазно сидели в лагере, зализывая раны после очередной стычки, стоившей им почти десятерых поделльников. Караван был не только богатым, но и хорошо защищённым. Даже возницы были опытными воинами, так что вместо обычной десятки охраны бандитов встретили почти три десятка воинов, заставивших банду отступить, теряя людей. Поэтому момент для Горыни был исключительно удачный. Боеспособными оставались лишь двенадцать человек, а остальные имели раны различной тяжести и представляли куда меньшую опасность.

Дорога к логову проходила в том числе и по проложенному по дну болота мосту. Бакай потянул за неприметную палку, мост, бурля грязной жижей, всплыл на поверхность, и проводник, хлюпая сапогами, бодро пошел вперёд.

– Здесь все? – спросил Константин, как только они вышли на край поляны в центре большого острова на болоте.

– Там ещё тропка, к бабке Змеихе, но туда никто, кроме атамана, не ходит, – обморочно произнёс Бакай и, поскольку Горыня его больше не держал, мягко осел на траву.

Сориентировались бандиты быстро. Тенькнула тетива арбалета, но Костя уже был в движении. Метательных ножей он набрал три штуки, и они полетели в лежавших вокруг костра татей, после чего настал черёд револьвера. Кто-то, видимо, соображал быстрее, чем другие, и от самой большой палатки раздался сначала один выстрел, потом ещё и ещё, пока Горыня, спрятавшись за мертвецом, освобождал барабан от гильз и перезаряжал свой револьвер. Два выстрела, и атаман с простреленными плечами упал ничком.

Атаман тоже стрелял неплохо и, несмотря на рывки Горыни из стороны в сторону, сумел зацепить его, пробив ногу навывлет. Туго затянув рану полоской ткани, Костя, хромая, начал обходить лагерь. Стрелял он аккуратно, и среди бандитов нашлось двадцать живых, что, как ему казалось, было вполне достаточно. Поэтому самых тяжёлых он без зазрения совести добил, оставив только дюжину. Перевязав раны разбойников и крепко связав их, начал обходить землянки и в третьей по счету, среди рванья и тряпья обнаружил совершенно седую женщину, явно находившуюся не в себе. Прижав к груди тряпичный свёрток, она баюкала его словно малыша, что-то невнятно мыча.

Догадываясь, что произошло, Горыня осторожно коснулся её иссохшей руки.

– Поедем домой?

– Домой? – Женщина неожиданно улыбнулась и кивнула. – Покормлю Бориску и пойдём. – Она отогнула рубаху и стала совать грудь в тряпки, продолжая мычать, словно пела колыбельную.

Из землянки Константин вышел с таким лицом, что бандиты, будучи даже связанными по рукам и ногам, попытались расползтись в стороны, мыча в заткнутые в рот кляпы.

И лишь мысль о том, что смерть разбойников должна послужить нужному делу, остановила Горыню. Обыскивая землянку атамана, он, к удивлению, обнаружил кучи почти сгнившего тряпья и несколько крепких сундучков, в которых, судя по весу, были монеты. Серебро или даже золото. Кроме этого, он нашёл огромное количество оружия и пару револьверов замечательной выделки, похожих на американские Smith & Wesson с переломной рамкой. Револьверы были украшены искусной инкрустацией, а щёчки на рукоятях сделаны из перламутра. Кроме того, нашлось больше тысячи патронов разных калибров, что само по себе было

немалой ценностью, так как снаряжённый патрон стоил гривенник за штуку.

От обыска его отвлекло внезапно проснувшееся чувство опасности, и, быстро зарядив оба револьвера и сунув в карман горсть патронов, он выскочил наружу.

Сначала ничего не заметил, но, проследив по взглядам разбойников направление, увидел как по воде, словно скользя по поверхности, идёт женщина, замотанная в чёрные одежды.

Справедливо полагая, что ничего хорошего от колдуньи ждать не приходится, открыл огонь сначала из одного револьвера, а когда закончились патроны, из другого, замечая, как колышется ткань от попадания пуль. Калибр у револьверов был вполне приличный – примерно двенадцать миллиметров, так что колдунье приходилось несладко. Тем не менее, понимая, что уже не успевает перезарядить оружие, Константин подхватил тяжеленное ружьё с колесцовым замком за цевьё и понёсся навстречу, собираясь использовать его как дубину.

Но двигаясь вперёд, он начал замедляться, и с каждым шагом ему становилось всё тяжелее, пока он почти не остановился, словно продавливая ставший тугим и вязким воздух.

Уже не надеясь достать колдунью сверху, а хотя бы пробить стволом, начал толкать ружьё вперёд, прикладывая все силы.

Противостояние для колдуньи тоже было непростым, и по её иссохшему лицу стекали ручейки пота, оставляя светлые дорожки.

Проталкивая ружьё, рука Горыни легла на курок, и лишь для очистки совести он нажал спусковой крючок.

Выстрел крупной картечи с расстояния в пару метров начисто снёс правую руку колдунье вместе с плечом, и та, каркнув словно ворон, завалилась на бок, фонтанируя чёрной кровью.

Ружьё было двуствольным, и, спотыкаясь от перенапряжения, Константин вскинул оружие и почти в упор превратил грудину старой ведьмы в одну

сплошную кашу.

Сидя возле остывающего трупа, Горыня первым делом перезарядил оружие, перевязал нормально рану на ноге, а потом поднял бандита, захваченного первым, и заставил его запрягать две телеги и таскать связанных разбойников, укладывая их словно дрова. Седую женщину усадили на другую повозку, там, где везли награбленное бандитами богатство.

Выехали с разорённой стоянки ещё до полудня и двинулись в сторону села. Боевые кони, запряжённые парой, шли ходко, так что к вечеру они уже пересекли границу общины, а уже ночью, объехав село, поднялись на холм к старому капищу. Приступы, грозящие беспамятством, накатывались всё чаще и чаще, и он уже почти из последних сил подошёл к заповедной поляне.

К удивлению Горыни, там уже горел костёр и мирно, словно два старых друга, беседовали Мокошь, всё в том же белоснежном платье, и Никифор, в своей вечной хламиде.

– Пришёл. – Мокошь легко, словно танцуя, встала, подошла ближе и провела ладонью по щеке Горыни. – Хорошее дело сделал, воин. Её я тоже забираю. – Она взмахнула рукой в сторону женщины, которая уже спала среди тюков с тканью и оружия, прижимая к груди свёрток, которого считала своим ребёнком. – Пусть душа её давно отлетела, но не могла найти покоя.

– А...

– Знаю, о чём спросить хочешь. – Богиня кивнула. – Выбирай. Или она или ты. Энергии в этих телах совсем немного.

– Пусть будет она. – Константин, у которого вдруг пересохло в горле, кивнул. – Люди не смогли её защитить так пусть хоть в посмертии у неё всё будет.

– Ты сказал. – Мокошь кивнула. – А теперь покажи.

Константин кивнул и подошёл пребывающему в ступоре вознице.

– Ты готов?

– К чему, господин? – чуть заикаясь, спросил разбойник.

– Умереть. Но не жертвенным бараном, а воином, хотя вы этого и не достойны. Но насколько я понял, боги здесь не принимают безвольных жертв.

Тот вздохнул и, тряхнув головой, слез с телеги.

Бой, несмотря на перевязанную ногу Горыни, получился коротким, и через десяток секунд он чётко воткнул нож прямо в сердце бандита. Так или почти так закончили жизнь все двенадцать разбойников, за исключением атамана.

– Это не моё. – Мокошь покачала головой. – Это сестрицы Мары.

– Так отдай. – Костя равнодушно отвернулся.

– Не могу. – Богиня виновато улыбнулась. – Тебе придётся самому её призвать.

– Просто позвать достаточно? – уточнил Горыня и, увидев кивок Никифора, негромко произнёс: – Мара, слышишь ли меня? Приди, забери своё.

Короткий порыв ветра, и на поляне возник туманно мерцающий вихрь, из которого вышла высокая черноволосая женщина в длинном платье, похожем на звёздное небо.

– А, старый знакомый. – Она приветливо улыбнулась Горыне. – Радовал ты меня в том мире, радуешь и в этом. Она взмахнула рукой, и атаман, лежавший на телеге, захрипел, чуть дёрнулся, и глаза его остекленели.

– Ну, всё. Старую ведьму я прибрала ещё на болоте, а этих отдаю тебе, сестрица. – Мара ослепительно улыбнулась и, сделав пару шагов, вдруг обернулась. – Нет, посижу немного. Подышу воздухом этой земли. Ты ведь не против, сестрица, и вы, уважаемый Никифор?

– Прошу. – Волхв в мгновение ока сдёрнул с себя плащ и расстелил перед костром.

Мокошь с непонятым выражением на лице обернулась в сторону Мары и, вздохнув, махнула рукой. Сразу же в центре поляны возник сверкающий вихрь, откуда во все стороны ударил плотный солнечный свет, и с криком «Мама!» выбежал мальчишка лет шести.

Женщина, спавшая в повозке, вдруг встрепенулась и, забыв про свёрток, рванулась к мальчишке. Встав перед ним на колени, она просто стала целовать его, прижимая к себе.

– Мама, не плачь. Мама... – Мальчишка что-то говорил, а потом, когда женщина встала, взял её за руку и, что-то рассказывая, повёл за собой, и через секунду вихрь схлопнулся, оставив на поляне лишь примятую траву.

– Но сдаётся мне, сестрица, что ты хочешь обжудить моего верного паладина? – Донёлся от костра голос Мары. – Условие он выполнил, и даже более. Двенадцать жизней за одну... более чем справедливо. А если учесть тех, кого я забрала на болоте, так просто грабёж получается.

– Он не твой!!! – Мокошь резко, будто кошка, обернулась и даже чуть пригнулась, словно перед броском.

– Не мой. – Мара насмешливо посмотрела на сестру и поудобнее устроилась на плаще, растянувшись на нём словно кошка. – И не твой.

Горыня, смотревший на всё это с круглыми от удивления глазами, не нашёл ничего лучше, чем, подняв руки, подойти ближе.

– Девочки, не ссорьтесь, вы чего?

В ответ обе как-то отпрянули и через секунду рассмеялись заливистым смехом.

– Это всё воздух среднего мира, – сказала, отсмеявшись, Мокошь. – Бьёт в голову сильнее вина...

Но окончание фразы он уже не расслышал, повалившись в траву словно подкошенный.

Очнулся уже в своей постели. Травница Варвара сопела на лавке рядом, и тут же на табурете сидела девчонка лет двенадцати.

Стоило ему открыть глаза, как девочка метнулась к бабке и стала трясти её за плечо.

– Бабушка Варвара, бабушка Варвара, проснулся он.

– Да не тряси меня, ужо всю душу вытрясешь. – Женщина опустила ноги на пол, села и, накинув платок на голову, посмотрела на пациента.

– Глазки, я смотрю, чистые, испарины нет... Попьёшь, вон на столе в бутылке оставила отвар. По стакану кажно утро. – С чем и отбыла по своим делам, оставив после себя тонкий запах сушёных трав и бутылочку с лекарством.

А Горыня, не торопясь, сел на кровати и первым делом проверил руку, которая была вполне нормального цвета, и рану на ноге, которой просто не нашёл. Затем прополоскал рот настойкой, глотнул и, скривившись от горечи, стал прибираться в доме. Лишь наведя порядок, вымылся и, надев чистую одежду, пошёл к кузнецу, прихватив оба револьвера.

В кузне уже стоял дым коромыслом, а подмастерья и ученики бегали словно ошпаренные. Сам Лукьян, стоя возле кузни, перебирал инструменты, а, увидев Горыню, широко улыбнулся и сразу предупредил:

– Если по делу – говори, а если так пришёл, то вечером заходи. Вечерять будем и по чарке пропустим.

– Я по делу. – Горыня выложил на стол револьверы.

– Хорошая работа. – Кузнец взвёл и спустил курок, крутанул барабан, слушая, как щёлкает трещотка, и вопросительно поднял взгляд.

– Нужно сделать самовзвод. Ну, чтобы, когда крючок нажимаешь, курок сам взводился и соскакивал на капсюль.

– Я знаю, что такое самовзвод. – Лукьян усмехнулся. – Зачем тебе эта господская забава?

– Как сделаешь – покажу, что вовсе не забава. – Горыня улыбнулся. – Очень мне этого самовзвода там, у разбойничков, не хватало.

– Сделаю. – Кузнец кивнул. – Сегодня уж не успею, а завтра займусь. Так что, придёшь вечером? Как солнце сядет, так мы садимся.

– Приду. – Горыня благодарно прижал ладонь к груди и поклонился.

К моменту когда револьверы были готовы, сельский скорняк уже сшил две кожаные набедренные кобуры, и Горыня потратил почти две сотни патронов, пристреливая оружие сначала стоя, потом в движении, и, наконец, попробовал стрелять с двух рук. Из-за тугих взводов получалось не очень хорошо, но на короткой дистанции преимущество двух стволов могло быть решающим. Ещё в прошлой жизни Константин был высококлассным стрелком и участвовал в соревнованиях по скоростной стрельбе. Тогда у него, правда, были куда более удобные автоматические пистолеты, но и с револьверами тоже можно было многое сделать.

Ещё Горыня ходил к местной мастерице, и та буквально за два дня сшила ему пару удобных штанов, с карманами в нужных местах, и длиннополый пиджак, не пожалев плотного тёмно-синего голландского сукна, а на подкладку голубого ханьского шёлка.

Через три дня, когда вся деревня, разморённая жарким солнцем, вяло копошилась по своим делам, в село вошёл большой отряд воинов, под квадратным флагом с вздыбленным медведем. Все были хорошо одеты, в чистое и почти однообразное обмундирование, а на груди красовались полированные нагрудники. Возглавлял процессию молодой мужчина в алом кафтане с лихо заломленной шапкой. К нему и подскочил староста, поймав коня за повод и рассыпаясь в величаниях.

– Ты, Афанасий Егорыч, давай сразу к столу и воев своих приглашай. А там уж и баньку натопят.

– Некогда мне в баньках расслаживаться, – лениво растягивая слова, произнёс княжич. – Тятка наказал другим днём быть обратно, так что глянем на твоё чудо дивное, коли не обманул, и повезём в Медведевск.

– Да не получится другим днём. – Староста ухмыльнулся. – Мы тут немного татей побили...

– Каких татей? – Сын князя Медведева нахмурился.

– Так банду Черного как есть всю положили. Самых людишек вон в тот сарай определили. Никифор их нетленным заклятием покрыл, а товар и прочее у меня во дворе. Только там, кроме казны, и брать-то нечего. Погнило всё. Ну, вот только если оружие.

– Казна – хорошо. – Афанасий оживился. – А как же так вы всю ватагу смогли? – Он легко спрыгнул с лошади и пошёл к сараю, где сложили тела бандитов.

– Да не мы сами. – Староста, семеня следом, вздохнул. – Дурачок деревенский. Ну, бывший дурачок... Вылечил его Никифор. Так он и упыря того, и банду всю один приморил.

– Да как такое можно! – возмутился шедший следом мужчина с сединой в волосах, на ногах у него были богатые мягкие сапожки алого цвета. – Чтобы один, да всю ватагу?

– А упыря, значит, можно с двух ударов? – ехидно спросил Аким. – Вона топор в колоде торчит. Полюбуйся.

Тысячник, в подчинении которого были сотни медведевской дружины, развернулся к столбу, рядом с которым лежала пилёная колода. На колоде воткнутый углом торчал топор замятым лезвием вверх. Легко выдернув железку из колоды, тысячник молча осмотрел исковерканный металл и покачал головой.

– И где же молодец этот? Очень мне на него посмотреть хочется.

– Так послали уже, Савва Панкратыч.

Когда гости вышли из сарая, туда сразу же зашли трое воинов и принялись составлять опись разбойников, сверяясь с розыскными листами. За прошедшие дни жители деревни съездили к бывшему лагерю и вывезли всё, что можно было вывезти и представляло хотя бы гипотетическую ценность, а кроме того, прихватили все найденные тела вместе с колдуньей.

Когда Горыня пришёл на площадь, с телами почти покончили и разбирались с горой барахла и деньгами в трёх окованных железом дубовых сундуках. Монеты, оказавшиеся в основном платиновыми гривнами, уже разложили по кучкам, и сейчас тысячник и староста громко обсуждали долю веси в добытых богатствах. Оба спорщика вспоминали какие-то указы и уряды, переходя временами на личности, но было заметно, что торг доставляет обоим настоящее удовольствие.

Никифор, подошедший чуть раньше, в празднике не участвовал, а сидел в тени под раскидистой вишней и спокойно смотрел на суетящихся вокруг деревенских жителей и воинов князя. К нему и подсел Горыня.

- Это надолго? - Он кивнул в сторону спорщиков.

- Нет. Всё уже решено Родовой Правдой. Тебе треть от казны да всё оружие, что с бандитов добыл. Да рухлядью мягкой половина. За Чёрного тебе по листу розыскному десять гривен да за ведьму двадцать. А остальные по гривне - всего сорок пять. Ещё за упыря двадцать гривен, но из них половину общине. Оружие у тебя выкупят ещё за сто гривен, хоть и дёшево, но не торгуйся. Этот прибыток дружине пойдёт. Да не в казну, а в братину[12 - Братина - чаша, которую пили как символ братства, а также название общей кассы дружины или отряда.].

- Да не нужны мне эти железки. - Горыня вздохнул.

- Да уж, конечно. - Волхв усмехнулся. - Купно с частью казны у тебя тысяча триста гривен, или сто тридцать тысяч рублей. Таких богатеев в нашем уезде всего трое. Князь, братья Шуйкины да Антип Горлов...

Разговор прервал молодой княжич, встав перед Горыней и лениво хлопая по сапогу тонкой нагайкой.

– Так ты тот самый воин?

Горыня встал.

– Если речь о банде и упыре, то да.

– Обращайся ко мне князь, холоп!

Горыня в ответ глянул на Никифора и, увидев, как тот едва заметно отрицательно качнул головой, снова посмотрел на боярина.

– Князь у веси Медведев, да и тому я присягу не давал. И не холоп я тебе. Звать меня Горыня, хочешь поговорить, обращайся нормально.

– Да я... – Афанасий Медведев вскинул хлыст, и на подставленной руке Горыни заалела кровавая полоса. И в ту же секунду в лоб княжичу упёрся шестигранный ствол револьвера.

– Назови хотя бы одну причину, почему бы мне не пробить тебе башку. – Горыня холодно посмотрел ему в глаза и большим пальцем медленно взвёл курок.

Те воины, которые стояли рядом, двинулись было на помощь, но остановились, глядя в зрачок другого револьвера.

– Охолони. – Тысячник, ничуть не смущаясь направленного на него револьвера, подошёл и руками опустил стволы к земле. – Княжич, конечно, не прав, но и тыкать в него оружием не след. Посиди-ка отдохни.

С этими словами Савва отвёл сына князя в сторону.

– Говорил мне твой отец, что умишка ты не нажил, но вот совсем дураком не казался. – Тысячник, воевавший с князем ещё на порубежье, вздохнул. – Ты видел, как он вынимал скорострел? И я не видел. Только мелькнула рука и всё. А я много чего повидал. Такой воин десятка дружинного стоит, и я разменяю любой из них на этого Горыню. Ты перед ним стелиться должен, как батюшка твой перед воями Перуновой сотни. Знаешь, что государь наш, Михаил Елисеич сам подносит чарку воям, что отличились в бою? Сам подносит и зазорным не

считает. Потому как они в землю ложатся за Русь. А ты его холопом кличешь. Ну, не стал он перед тобой шапку ломать. Да и не должен, по правде-то. А теперь что? Обиду ты ему нанёс кровную. За такое не деньгами берут – кровью.

– Ништо. – Всё еще бледный от злости на собственный страх княжич скривил тонкие губы в усмешке. – Золотой кину – утрётся и благодарить будет.

– Дурак ты, княжич. Так я батюшке нашему и доложу. Дурак, мол, сын твой родный. Дурак и к воинской службе негодный. Тот, кто в одиночку взял банду из трёх десятков лихих людишек, не деньгам счёт ведёт. У него свой счёт. Они вместе с Марой наособицу считают. Давай, иди, сунь ему золото. Посмотрю я на то, что он тебе скажет. Говорю тебе, если есть у тебя хоть что-то в голове, поди и повинись перед ним. Повинись и проси его быть тебе наставником. Коли согласится – значит, тебя Род-батюшка в лоб при рождении поцеловал. А не согласится, тоже невелика беда. Хоть зла не затаит.

– Да я...

– Ты, ты. – Савва устало кивнул. – Делай, как знаешь, а я без этого Горыни в обратный путь не двинусь. Буду жить тут хоть год, хоть два, но к себе в сотню переманю. – С этими словами тысячник двинулся наводить порядок в приданом подразделении, а княжич, послонявшись по площади, плюнул на всё и пошёл к старосте за стол.

Когда всё, что нужно было увезти, улеглось на повозках, воины пошли в баню, а тысячник, побродив по деревне, подошёл к Горынинному дому.

– Проходи, не стой. – Хозяин дома, коловший дрова, качнул головой на скамейку. – Садись, сейчас баню догрею, и пойдём попаримся.

Через час, вдоволь напарившись в выскобленной до белого цвета бане, они сидели в полотняных рубахах и пили клюквенную настойку, закусывая жареным мясом и солёностями.

– Да, а баня у тебя просто царская. – Тысячник покачал головой. – Чисто, аж входить боязно.

– Так грязная баня – это же вообще глупость. – Горыня усмехнулся и разлил по новой. – А я всё жду, когда ты меня сватать начнёшь. Ведь не в баньке попариться пришёл?

– В такой баньке попариться – праздник, но ты прав, Горыня. Нужда у меня до тебя есть. – Савва бодро дохрустел яблоком и, вытерев распаренное и мокрое от пота лицо рушником, продолжил: – Дела у нас нынче такие. На западной границе собирает войска король Сигизмунд. В помощь ему уже идут войска короля Наполеона Второго и других прочих. И придут они, как сам понимаешь, не подарки раздавать. Государь собирает армию, и князь Багратион назначен командующим армии, которая будет закрывать юго-запад. А там Аустрия да оттоманы. Так что вся турецкая орда, аустрийцы да италийцы – все будут наши. Хан польский по слухам призвал в армию больше трёх сотен кромешников...

– Это ещё кто?

– Колдуны, что таскают существ из-за кромки, – пояснил тысячник. – Потому и кромешниками кличут. Упырь, которого ты завалил, тоже оттуда. Случается, прорываются сами, но в основном колдовство чёрное. Тварей этих, конечно, немного, но бывает, что и один целой сотни стоит. Сами европцы лезут редко, но насылают тварей разных, упырей там, навок, умрунов. От того, кроме охотников, и стоит в каждом уезде Перунова сотня. Где-то поспокойнее, как в Сибири, а где-то каждый день сеча, как на западных границах. Кромешников, конечно, ловим да на кол сажаем, но не переводятся. – Тысячник вздохнул и почесал ветвистый шрам на левом плече. – Извести бы колдунов этих под корень, да руки коротки. Их в германских землях, да у галлов учат, а первейшие академии колдовские у испанцев да бриттов. И простой народ от этой нечисти обороняют волхвы наши да воины земли русской. Так что не на гульбище зову. На смертный бой, где мы по одну сторону, а они по другую. И пока мы их не одолеем, не будет покоя. Всё одно пакостить будут.

– Да я как бы и не против, только вот что объясни мне. Кем буду я? Солдатом? Так это мне не интересно. Чтобы мною командовал какой-нибудь... ну вроде вот этого княжича, или как он называется. Знаешь же, что хороший командир – это половина победы. А вот так, ложиться в землю из-за глупости чьей-то...

– Я-то знаю. – Савва усмехнулся. – А вот откуда ты это знаешь?

– Так, воинская деревня-то. – Горыня улыбнулся в ответ. – Только и разговоров на празднике, где кто служил и что там было. Тут, почитай, любой малец малый строевой устав расскажет без запинки.

– Это да. – Тысячник кивнул. – Ну а сам-то кем хочешь быть?

– Так не знаю я толком, ни как война идёт, ни как тварей этих убивают. Разговоры разговорами, но и собственное представление нужно тоже иметь. Вот коли вольным стрелком...

– А потянешь весь приклад? Дорогонько-то будет все за свой счёт брать. – Савва покачал головой. – Там в десять гривен только и уложишься.

– Конь у меня есть, оружие... Ну ружьё ещё прикупить да какую-никакую защиту, чтобы хотя бы грудь прикрыло.

– А, да. Ты же за банду виру свою имеешь, – вспомнил Савва. – Да, там денег, чтобы полк свой собрать, хватит. Но смотри, в вольных могут потребовать испытания, а княжич наверняка подсуетится и сунет опытного бойца, чтобы тот заломал тебя как бы ненароком. И убивать тебе поединщика никак нельзя. Сразу людей против себя поставишь.

– Ладно, на месте посмотрим. – Горыня кивнул. – Есть еще, что мне знать нужно?

– Ну, как... – Тысячник задумался на несколько секунд. – Вольные обычно в отрядах за пластунов да доглядов. Народ там разный, но своих в обиду не дают. В Перуновой сотне их половина, но те наособицу стоят. Вои из первейших и в сече самым остриём идут. А кто в строевых сотнях, так те – стрелками да пушкарями обыкновенно. Ну и, конечно, летуны...

– Летуны? – переспросил Горыня.

– Ну, да. Летуны. – Савва улыбнулся. – Те, кто в воздухолётах летает. Отчаянный народец, но дружный. Да все с княжьего подворья харчуются, да в одеждах шелковых, что с Желтороссии везут. Есть ещё догляды княжьи. Ну, так про них и не узнаешь, пока в порубе[13 - Поруб – подвал.] у князя не окажешься.

Просидели с Саввой почти до утра, а с рассветом Горыня начал сборы. Он с самого начала предполагал, что может и не задержаться в селе, но вот так, сразу, срываться, конечно, не планировал. Хотя, может, оно и к лучшему. Хозяйства особого не нажил, и собираться толком было нечего. Одел под рубаху медальон, который назначил своим талисманом в этом мире, прихватил личные вещи, деньги в трёх мешках из толстой кожи, почистил и смазал револьверы, надел сшитый по его рисунку патронташ и поверх всего накиннул длиннополый пиджак из голландского сукна, тоже пошитый мастерицами Сосновки. Не хватало только широкополой шляпы, чтобы закончить образ.

Дом он отдал тётке Анастасье, с трудом уговорив её на переезд из крошечного домишки с протекающей крышей.

Седлать лошадь он уже более-менее научился и, взгромоздив на Обжору мешки со скарбом и деньгами, повёл в поводу к площади.

На этот раз там собралась практически вся деревня. Провожали трёх молодых воинов, уходивших в войско князя по набору, и вокруг разодетых в яркие ткани новобранцев крутился вихрь из девок, тёток, мамок и детей. Люди заходили в храм Рода группами и по одному и буквально через минуту выходили, оставив небесному Отцу подношение. В основном дарили деньги – горсть медных, иногда серебряных монет, мастерицы – свои изделия, а воины – что-то добытое с врага.

В большой и светлый храм, с высоким куполом и стрельчатыми окнами, забранными тонким «хрустальным» стеклом, Горыня вошёл без трепета и спокойно, как хороший офицер входит в кабинет генерала. То есть понимает – всегда найдётся, за что его взгреть, но косяков особых нет, и потому душа спокойна.

Никифор, встретивший у входа, молча протянул чашу, вырезанную из дерева, и качнул головой в сторону стоявшей в глубине храма статуи. Там, на длинных полках вокруг идола уже стояли рядами такие же чаши. Принятое богами исчезало, а то, что оставалось в чашах, делилось между весью и храмом Рода в Медведевске.

Горыня ссыпал в чашу медные чешуйки своего предшественника по телу и ту серебряную монету, что нашёл в доме. Добавил от себя ещё пять монет и уже

понёс, чтобы поставить на полку, когда вдруг остановился.

Сердцем понимая, что не серебро нужно Роду, подошёл ближе к статуе и вгляделся в черты лица, исполненные талантливым резчиком из древесины столетнего дуба. Род в сосновском храме был похож не на гневного карающего бога, а на чуть усталого, но внимательного родителя, с едва заметной полуулыбкой смотрящего на своих детей.

Ссыпав деньги в горсть и спрятав в карман, Горыня поставил чашу перед статуей и, полоснув по ладони ножом, сжал руку в кулак.

Когда в чаше набралось примерно полстакана, перехватил рану куском чистой тряпки, которая лежала в кармане именно на этот случай, и поднял свой дар.

– Прими, Род-батюшка.

Резкая вспышка ударила по глазам, словно взрыв световой гранаты, а когда Горыня проморгался, то сквозь зелёное марево увидел, что чаши в руках нет, как нет и пятен крови на сжатом в руке платке.

– В чём клялся-то? – спросил Никифор, подошедший сзади.

– Да ни в чём. – Горыня поднялся на ноги и оглянулся на слегка опешившего волхва.

– Клятва кровью – серьёзная клятва. Тако вои, что идут на смерть за родную землю, призывают Родово благословение.

– Мне, чтобы защищать родную землю, не нужно клятв. – Горыня, почувствовав, что боль в раненой руке куда-то ушла, размотал платок и увидел, как рана буквально на глазах полностью исчезла. – Я один раз уже поклялся и уверен, что этого достаточно. А вот подношение сделать... Ну, что я купец, чтобы деньгами кланяться? – Он залез в карман и вытащил приготовленные для дара деньги. – Это вот возьми для тех, кто нуждается. Можешь в храм отдать, можешь людям. Сам смотри. И вот это, – он достал из другого кармана горсть гривен, – отдай Тасье. Не берёт она у меня деньги, говорит, что мне нужнее. А хозяйство у неё небогатое. – Он кивнул волхву и вышел из храма на площадь.

Телеги, на которых сложили разбойников и тело упыря, уже вытянулись одна за другой, и потихоньку караван двинулся вперёд.

Горыня поклонился до земли бабке Анастасье, что привечала его, когда все в селе отвернулись, обнял на прощание, легко взлетел в седло и лёгким хлопком коленей послал Обжору ходкой рысью, чтобы догнать голову колонны, где ехал Савва.

В разговорах и неторопливой езде по Царскому тракту провели пять дней, столуясь в придорожных трактирах и один раз остановившись на берегу широкой реки, которую называли Волгла. На реке вопреки ожиданию Горыни было вполне оживлённое судоходство. Сновали крупные баржи, широкие лодки и высокие парусники.

Савва, вышедший к утёсу вместе с другими, вдруг поднёс ладонь к глазам, закрываясь от солнца, и ткнул пальцем в едва заметную точку в небе.

– Глади-ко, почтовый из Новограда пошёл. Смотри, Горыня, такого чуда мож и не видывал никогда, чтобы люди-то по воздуху, словно птицы.

Горыня чуть напряг зрение и действительно увидел на фоне небесной синевы чуть вытянутый пузырь, за которым тянулся едва видимый дымный след.

– А летает, на угле, что ли?

– Ты бы ещё сказал на дровах. – Савва рассмеялся в голос. Нет не на угле, но земляное масло жрёт исправно. Сам видел, как заливают из бочки.

– А корабли такие есть? Ну, на земляном масле, – поинтересовался Горыня и оглянулся на посерьёзневшего тысячника.

– Есть, как не быть-то. Только дорого то. Вон у нас всего пара, у нижегородцев два десятка, у астраханцев с сотню, да в Русском море[14 - Русское море – старое название Чёрного моря.] – с сотни две. Вот те точно на угле ходят. Только не обычном, а горючем камне, что добывают из земли. А вообще это тебе к розмыслам княжьим, да вот не любят они вопросов.

– Это понятно. – Горыня кивнул и пошёл рассёдлывать Обжору.

4

«Да, какая-то недетская сказка у нас получилась», – подумал Колобок, дожёвывая остатки лисицы...

Упырь, суть незаложный покойник, а тварь кромки, обликом схожая с человеком, но больше оного втрое и вчетверо. Ходит, како зверь, на четырёх ногах и бегаёт зело быстро, что догоняет всадника на лошади. Руки же у него силы такой, что разрывает кольчугу, а зубами может перекусить цепь в два вершка.

Голову имеет покатую, с вепрем схожую, но без клыков торчащих, но нос пяточком, како у вепря...

И ядом тот упырь истекает очень сильным. Яда того меньше одного грана нужно, чтобы убить человека, и противоядие неизвестно. Однако, ежели заболевший жив будет, то в другой раз от яда не умирает.

Бестиарий тварей кромешных и навьих созданий, собранный монахом Муромской волхвической школы Фёдором Борецким.

«Губернские известия». Нижний Новгород. 8 червена 7358 года

Анисья Вяльцева, мещанка пятидесяти трёх лет, принесла жалобу волхву Михайловского уезда на бесчинства, творимые на её подворье домовым и пригретой им кикиморой, что совершенно лишили семью сна, а подворье – всяческого порядка.

Волхв Никифор, согласно указу государя о «Нежити малой», спешно прибыл на подворье и, увидев полную правоту мещанки Вяльцевой, тотчас изгнал домового прочь, а кикимору развеял как существо зловерное и норов свой показавшее.

В Медведевск входили после полудня, когда тучи заволокли небо серой пеленой, грозясь пройти долгожданным дождём. Сам город, судя по рельефу, находился там или примерно там, где в оставленном мире располагался Городец, в семидесяти километрах от Нижнего Новгорода. Только был Медведевск куда крупнее Городца девятнадцатого века, и по окраинам стояли высокие наблюдательные вышки с тремя ярусами для стрелков, окружённые двухметровым частоколом. Своеобразные мини-крепости, отмечавшие край городской черты.

Дома в городе были в основном деревянные, но много и каменных строений, и домов с каменным первым этажом.

Горыню поселили на подворье[15 - Подворье – изначально гостиница или постоянный двор.], выделив на удивление чистую комнатку на втором этаже трёхэтажного дома, где на первом были трактир и службы, а на втором и третьем – комнаты постояльцев.

Покидав вещи, Горыня сразу отправился в Серебряный приказ, который в этом мире был чем-то вроде банка. Принимал на хранение деньги и выдавал именные пайцы, которые можно было обналичить в любом месте государства и даже в некоторых других странах. Взамен денег вынесли небольшую прямоугольную серебряную пластину с дыркой и затейливым тиснёным рисунком, потом укололи палец и, размазав кровь Горыни по металлу, дождались, когда та мигнёт синим свечением. Потом сделали оттиск пластины в книге и отдали пайцу новому владельцу.

«Средневековье, блин, – ворчливо прокомментировал Горыня увиденный способ идентификации владельца. – Что дальше? Интернет на блюдечках с яблочками и вещательные станции с диджеями – котами-баюнами?» Но ворчал он, скорее, по неизжитой ещё стариковской привычке, примеряя новый мир на себя и осознавая, что кое-где этот мир ему тесен, а кое-где совсем не укладывается в понятные рамки.

Потом он, жуя пирожок со стерлядьё, прошёлся по городскому торжищу, просто глядя, чем торгуют и что возят, и вновь был немало удивлён огромному количеству товаров с Дальнего Востока. Даже фейерверки в виде ракет и цветастые бумажные веера продавались в лавках, как самый обычный товар.

Залезшему в карман вору Горыня просто зажал руку и резким поворотом тела сломал запястье, а когда засёк двинувшихся на подмогу громил, просто откинул полы пиджака с рукоятями револьверов и спокойно посмотрел в глаза местного криминалитета. Тот, как и предполагалось, сразу же «исчез как сон, как утренний туман», а воющего от боли воришку через минуту приняли городские стражи.

В оружейном ряду присмотрел себе хорошее магазинное ружье с нарезным стволом, пару кинжалов, очень похожих на ходившие в его мире «арканзасские зубочистки» и походные ремни на оба плеча, которые здесь были частью снаряжения командиров – от десятника и выше. Прекрасно сбалансированные клинки из отличной стали, как родные, устроились в ножнах чуть сзади револьверов и при ходьбе висели словно приклеенные.

На княжий двор его позвали на следующее утро, прислав мальчишку в тёмно-зелёном кафтане и с вышитым медведем на спине.

Горыня, одетый во всё чистое, утром смахнул едва заметную поросль на лице остро заточенным ножом и был готов хоть на пир, хоть на войну.

Дворец князя был просто большим трёхэтажным особняком, правда, сложенным из белого камня с садом, к нему примыкала обширная площадь, прямо за воротами. На площади числом около полусотни толпились воины князя, а сам местный властитель – грузный сорокалетний мужчина в расшитом золотом, зелёном шёлковом кафтане – сидел на широком балконе в кресле с высокой спинкой, поглядывая сверху, и нетерпеливо постукивал об пол носком алого сапога.

Во дворе Горыню сразу подхватил Савва и повёл ближе к лестнице.

– Ну, не подведи, Горынюшка. – Савва как-то вымученно улыбнулся. – Очень многое от твоей победы зависит. И не только деньги на кону.

– Потом расскажешь. – Горыня кивнул и, поскольку шум на площади разом стих, посмотрел вверх. Князь, встав со своего места, ещё раз внимательно осмотрел всю площадь, кивнул и произнёс неожиданно сильным и низким голосом, похожим на рык льва.

– Сотники, полутысячники и тысячники войска государева. Сегодня день испытаний молодых воев, прибывших по набору. Лучшие из них те, кто согласился на испытание и пройдет его, пойдут в Перунову сотню, Особую сотню и тысячу правой руки, остальных разберут по росписи. Сейчас вы не воины, а тиуны[16 - Тиун – судья.], что должны судить честно и верно.

Князь сел, и на площадку вышел совсем молодой, лет восемнадцати, парень, с чуть изогнутой саблей в руках. Поклонился князю и повернулся как раз в тот момент, когда с другой стороны толпы вышел обнажённый по пояс воин с длинной секирой.

Поединок, на взгляд Горыни, был коротким и не зрелищным, но двигались оба воина, едва не смазываясь в туманное пятно. Через минуту протяжный гонг остановил схватку.

– Достоин! – прозвучал вердикт старших командиров, и юноша почти вприпрыжку унёсся куда-то.

Так и пошло. Достоин, недостоин и далее, пока толпа, в которой стоял Горыня, не сократилась до последнего человека.

Он уже снял свой пиджак, расстегнул и снял походные ремни; сложив их аккуратно на краю площадки, в одной рубаше и штанах вышел вперёд. Навстречу ему откуда-то из задних рядов двигалось бугристое нечто, напоминавшее человека только общими очертаниями. Сам Горыня был даже по здешним меркам высок и широкоплеч, но такого ужаса он не видел ни в той жизни, ни в этой.

– Чем биться будешь? – спокойно спросил гигант и посмотрел в глаза Горыни, и тот сразу отметил, что здоровяк вовсе не тупое мясо.

– Как скажешь. – Горыня пожал плечами. – Мечами, секирами, да хоть на хлыстах.

– На хлыстах у себя в деревне с коровами будешь биться. – Здоровяк оглянулся и коротко бросил: – Бердыши. – Дождался, пока принесут два боевых топора с длинными древками и затейливой формы лезвием.

Горыня уже оценил противника как довольно опасного, но не сильно подвижного, принял оружие, качнул в руках, проверяя баланс, и кивнул горе мышц.

– Начнём?

Без малейшей паузы гигант выбросил бердыш вперёд, на всю длину древка и руки, но Горыня лишь сдвинулся в сторону и, когда оружие пошло назад, смахнул его в сторону и, словно шестом, выстрелил обратной стороной древка в лицо противника. Тонкий шип, которым оканчивалась рукоять, замер в нескольких сантиметрах от головы гиганта и, словно нехотя, ушел назад.

– Топор! – взревел гигант, отбрасывая бердыш, и стоило Горыне протянуть руку, как в неё вложили двухлезвийный топор, точно такой же, как и его собственный, оставшийся в комнате на подворье.

Теперь гигант был куда осторожнее. Короткими взмахами проверяя оборону Горыни, он пёр, словно носорог, и успокоился лишь когда тот подловил его на взмахе и, сместившись влево, мгновенным ударом ноги выбил оружие из рук здоровяка.

– Достоин. – Воин хмуро зыркнул на Горыню и, не оглядываясь, словно ледокол, пошёл сквозь толпу.

Горыню сразу же обступили воины, одобрительно хлопали по плечам, так что через минуту плечи ощутимо ныли. Выдернул его из толпы Савва и, сияя словно медная бляха, потащил куда-то к дворцу.

– Идем. Тут тебя видеть желают.

Горыня только и успел, что подхватить одежду да кобуры с патронташем, а надевать всё это пришлось на ходу. Пробежавшись бодрой рысью по длинному коридору, пахнущему почему-то керосином, поднялись по винтовой деревянной лестнице и через маленькую дверь попали в большую залу с колоннами и узорчатым паркетным полом.

Зал, украшенный высокими – выше человеческого роста – зеркалами и массивными золотыми подсвечниками, был вытянут вдоль особняка, и окна выходили на обе стороны дома.

Они быстро прошли всю залу и, снова поднявшись по лестнице, на этот раз мраморной с алой ковровой дорожкой, попали в небольшой холл с пятью дверями.

– Княже? – Тысячник распахнул одну из дверей и, войдя, сделал знак Горыне, чтобы тот тоже проходил.

– Так это из-за тебя я проиграл полсотни гривен и... кое-что ещё? – Говоривший грузный широкоплечий мужчина с длинными седыми волосами, окладистой бородой и роскошными усами сидел за монументальным столом, затянутым зелёным сукном, и пристально смотрел на Горыню.

Тот вместо ответа вежливо поклонился, понимая, что в данной ситуации ответа и не требуется.

– Хорош, правда хорош. Дубыню победить, это дорогого стоит.

– Дубыня – воин хороший, но не очень быстрый. – Горыня едва заметно улыбнулся. – Если бы на его месте был воин с быстрыми руками, мне было бы гораздо сложнее.

– Скромный, это тоже хорошо. – Князь кивнул. – А что скорострелы так смешно носишь, неужто и с левой умеешь стрелять?

– Если вы позволите, князь, готов показать. Только вот где?

– Пойдём. – Князь неожиданно легко поднялся из кресла и быстро вышел из кабинета, а Горыне пришлось поспевать следом.

В полуподвале дворца нашёлся настоящий тир, длиной метров двадцать, что даже для такого револьвера было смешной дистанцией. Мишени уже висели, так что Горыня просто вышел на рубеж стрельбы и оглянулся на князя.

– Ну, давай. Покажи.

Горыня встал и, чуть сдвинув кобуры вперёд, одним движением выхватил револьверы и в пулемётном темпе отстрелял оба барабана.

– Осип! Подай-ка мишени, – скомандовал князь, и из-за загородки метнулся мужчина в форменном камзоле.

– Вот, княже. – Он с поклоном подал два листка, а князь начал считать дырки.

– Двенадцать. – Он с каким-то странным выражением посмотрел на Горыню. – Двенадцать. Есть пара девяток, но все остальные в центре. А не подскажешь, где это ты так стрелять научился?

– Так воинская весь, княже, – выдал Горыня заготовленный ответ. – Народ или мечами машет, или стрельбой вот развлекается. Патроны сам снаряжал, капсюли Никифор привозил. А револьверы эти я у банды Чёрного взял.

– Оружие это сына князя Стародубского. Подарок ему был на Мокошин день. – Князь тяжело вздохнул. – Убили его там. Отпишусь сегодня Григорию Николаичу, что оплатили тот должок. А скорострелы оставь себе. Ты их честно взял. Да ещё будет тебе награда от Стародубского. Тот уж и охотников посылал, и егерей... Сам-то как прошёл?

– Так я один был. Вот меня и не посчитали. – Горыня усмехнулся. – Шли бы толпой, так они сразу мостик бы притопили да сами попрятались. А болото большое, ходить не переходить.

– А с упырём как? Я смотрел, матёрый аж жуть. Кромешный приказ нам за него целых двадцать гривен отсчитал.

– Вытягивал из завала стражника, а как голову поднял, так смотрю, он рядом, вот как Савва Панкратыч сейчас стоит. Ну и врезал от души. Прямо в пяточок ему попал. А место, видать, чувствительное, ну, и сел он, а пока в себя приходил, я топором и рубанул.

– Говорят, с одного удара завалил?

– Ну, не с одного, но третий раз, когда бил, он уже мёртвый был.

– Я топор тот велел обратно не чинить. – Князь усмехнулся. – В оружной зале повешу. Будет гостей удивлять. Теперь о тебе. Воин ты справный, и вот Савва о тебе печётся, словно о сынке родном. А это, поверь, дорогого стоит. Савва у нас, вообще, недоверчивый. Да и Никифор за тебя поручился. А я старого пройдоху знаю давно, и он свои слова на ветер не разбрасывает. Так что предлагаю тебе службу у меня. Если пойдёшь в гридь[17 - Гридь – личная боярская дружина.], то присягать будешь мне лично, а если в Перунову сотню, то – государю. Разницы, в общем, немного, но личную присягу могу снять я, а государеву – только сам Михаил Елисеич. Но я хочу, чтобы ты послужил в Перуновой сотне. Дружина здесь в Медведевске небольшая, но крепкая. Разбойному приказу, если что, помогаем, не чинясь, да и моя гридь, бывает, впрягается. Большая война-то отгремела всего лет сорок назад, так что тати по дорогам встречаются. И самое главное, человек ты пока незнакомый, так что кое-что сделать сможешь того, что мои люди не сумеют. Пойдём.

Вернувшись в кабинет, Медведев сел за свой стол и, порывшись в ящике, достал небольшой кожаный кошель; развязав тесёмки, кинул его поближе к Горыне.

В кошельке было с десяток серебряных рублей, но, когда тот взял в руки один из них, то сразу почувствовал, что монета чуть тяжелее оригинала. Внимательно оглядев монету, он заметил и другие признаки подделки. Рант был неровный, а гурт с перепадом по глубине. Но в целом, если не приглядываться, качество подделки было довольно высоким.

– Хорошая работа, князь. С оловом сплавляли?

– Молодец, сразу углядел. – Медведев качнул головой. С оловом. Самое простое – расплавить нормальное серебро да влить в него олова. Да, монеты будут дрянные, но для подделки очень даже неплохо. Так вот. Монеты эти идут откуда-то отсюда. Это Разбойный приказ точно установил. А вот откуда отсюда, мы никак выяснить не можем. На каждой монете знак особый, невидимый, стоит. Да только, чтобы ставить тот знак, нужно много силы вложить, и это сразу нашими волхвами замечено будет. Но вот монеты есть, а как они тот знак ставят, мы никак понять не можем. Может, не видим то, что прямо перед глазами, а может, вообще не там ищем. Попробуй посмотреть новым взглядом. Поможешь поймать, и будет тебе честь великая.

– Хорошо. – Горыня ещё минуту покрутил монету в руках, запоминая признаки подделки, и положил на стол. – Кто-то этим делом занимался?

– Да. – Медведев кивнул. – Сейчас тебя Савва проводит к дознатчикам, и там всё сам решишь.

Идти к местным следователям Горыне пришлось довольно долго, заодно он выяснил, что княжеский дом занимает фактически целый квартал, очерченный тремя улицами и рекой, к которой примыкала территория, обнесённая высокой, почти в три метра каменной стеной. Внутри находились местный Разбойный приказ, тюрьма и казармы, где жили неженатые воины Особой сотни, приписанной к приказу, и часть сотрудников. Княжеские гридни жили совсем недалеко, буквально в ста метрах от острога, а между казармами находился плац и площадки для тренировок.

Дознатчики сидели на втором этаже трёхэтажного деревянного дома, выходявшего торцом к тюремному двору и фасадом к внешней стене. Смысл этого стал понятен Горыне, когда он вместе с Саввой поднялся в один из кабинетов и увидел узкие бойницы окон, обращённые на улицу.

За столом, заваленным бумагами и папками, сидел крепкий лысоватый мужчина в чуть лоснящемся мундире и коротких мягких сапожках.

– Вот, Гордей, принимай помощника, – произнёс Савва, входя в кабинет.

– А... Савва. – Гордей Копытин – старший околоточный пристав Разбойного приказа чуть подслеповато прищурился, глядя на вошедших, и, подхватив со стола очки с небольшими круглыми линзами, надел на нос и внимательно, словно на рынке, осмотрел Горыню. – Опять мясника сватаешь. Говорил я тебе, Разбойный приказ – это не Особая сотня. Тут головой думать нужно.

Вместо ответа Савва расстегнул форменный кафтан и вытащил на свет золотую пластинку пайцы, украшенную фигуркой сокола из накладного серебра.

– Ну, так-то да. – Гордей кивнул, признавая волю князя. – Против такого не попрёшь. Ладно, лети, соколик наш драгоценный, мы тут сами разберёмся. –

Дознатчик сделал жест ладонью, и Савва, подмигнув Горыне на прощание, ушёл.

– Ну, голубь сизокрылый, – Гордей взял в руки перо и начал аккуратно чистить его от подсохших чернил и бумажных волоконца. – Делать-то что умеешь? Про воинские умения свои не сказывай. То будешь девкам заливать. Что, кроме того?

– Могу расспросить человека, не попортив шкуру, могу войти в дом без ключей и не потревожив никого. Могу сказать, что человек врёт, если разговор спокойный. Могу...

В этот момент дверь кабинета распахнулась с такой силой, что ударила о стену. Сидевший чуть в стороне Горыня уже скинул пальцем большой руки предохранительную петлю с рукояти револьвера, но как оказалось, это не к нему.

– Гордей Иваныч, Миньку Седого в трактире на Речной видели! Пятёрка Гаврилы вся там, да Особая даёт два десятка.

– Пока они приедут, Миньку поминай, как звали, – произнёс Гордей, напряжённо задумавшись. – Давай хватай всех, кто рядом, и поехали. – Он поднял острый взгляд на Горыню и кивнул. – Ты тоже.

Открытая рессорная повозка, запряжённая парой крепких лошадей, домчала до места буквально за пятнадцать минут, и, не доезжая до места целый квартал, дознатчики Разбойного приказа стали соскакивать с подножек, беря трактир в оцепление.

– Так. – Гордей оценивающе посмотрел на Горыню. – Одет подходяще. Войдёшь в трактир и закажешь выпить. Там публика чистая, так что помой не наливают. Сидишь, пока наши не ворвутся в зал. Дальше сообразишь сам.

– А как он выглядит-то, Минька этот? – Горыня проверил ещё раз, как ходят в кобурах револьверы и на месте ли «зубочистки».

– Шрам у него через всё лицо да волос длинный и седой, как у волхва, – нехотя ответил Гордей. – Ты ж не вздумай его брать. Пулю поймашь, меня потом Савва без соли сожрёт. Иди...

Легко соскочив с возка, Горыня сделал движение, словно поправлял шляпу, и двинулся вперёд, туда, где на углу стоял двухэтажный дом, занимаемый трактиром «Пивная бочка». Сразу срисовав наблюдателей внизу и в окне второго этажа, он поднялся на крыльцо и распахнул неожиданно тяжёлую дверь. Внутри кабака представлял собой просторное помещение с двумя десятками массивных столов и длинной стойкой, за которой находился сам кабатчик и ряды разноцветных бутылок.

Не глядя ни на кого, Горыня прошёл к свободному столу, сел, чуть расфокусированным взглядом посмотрел на хозяина и сделал приглашающий жест.

Полноватая девка в несвежем переднике подскочила через несколько секунд.

– Немецкие вина есть?

– Германские? – переспросила официантка и, не дожидаясь ответа, кивнула. – Рейнвейн есть. Айсвайн...

– Давай рейнвейн да рыбки жареной. – Горыня опустил в потную распаренную ладонь золотой рубль и откинулся на спинке стула, разглядывая посетителей с явной гримасой презрения и неудовольствия. А наткнувшись на лицо, перечёркнутое длинным шрамом, вообще скривился и отвернулся, уставившись на колыхающиеся полупопия другой официантки, протиравшей свободный стол грязной тряпкой.

Только стукнуло об стол донышко зелёной бутылки и тарелки с жареными стерлядками, как возле стола нарисовался высокий кряжистый мужик в лёгкой поддевке, подпоясанный тонким ремешком и свисающими с ремешка кожаными кармашками под всякую мелочь.

– Ты не нравишься хозяину, – гулко произнёс мужик и в упор посмотрел на Горыню.

– Ты чьих будешь, сиделец? – лениво процедил Горыня и смерил гостя долгим взглядом, пройдясь от нечищенных сапог до бородатой головы с торчащей на

макушке прядью засаленных волос.

– А ты пошто такой любопытный? – Мужик сжал кулаки до хруста и уже открыл рот, чтобы что-то добавить, когда от хлесткого удара в грудь глаза его остекленели и он тихо и почти чинно стёк на пол грязной кучей.

Горыня отхлебнул прямо из горлышка и, держа бутылку в правой руке, а левой подхватив мужика за шиворот, потащил того к человеку со шрамом, прямо по полу кабака.

– Твоё говно? – Он толкнул тело прямо под ноги Миньке Седого и снова приложился к бутылке, не отрывая взгляда от атамана.

Второй подельник бандита только начал вставать, когда бутылка из толстого стекла звонко разлетелась вдребезги об его голову, а третий так и остался сидеть, получив кулаком по темечку. Таким ударом в мире Константина медбратья успокаивали буйных психов, и мужчина, получив по голове словно кувалдой, тихо растёкся по столу, уткнувшись лицом в тарелку с квашеной капустой.

Услышав за спиной нездоровую суету, Горыня одним движением, словно кузнечик, перепрыгнул через сидевшего Миньку, развернулся и, положив один револьвер тому на спину, упёр ствол в затылок, а второй вытянул вперёд, демонстративно взведя курок. Кто-то слева встал, с грохотом опрокинув стол, и Горыня, почти не глядя, воткнул пулю в лоб самого непонятливого.

Когда в кабак с двух концов ввалились бойцы Особой сотни, все посетители кабака сидели чинно, не отводя взглядов от револьверного ствола. Трупов на полу было уже целых три, но оставшиеся не хотели на себе проверять качество оставшихся патронов в барабане.

Дознатчики и воины споро приняли арестованных, и вереница одинаковых закрытых возков покатила в сторону княжеского острога.

– И откель же ты такой шустрый на нашу голову, ворон залётный? – Гордей, брезгливо смахнув крошки с грязного стола, разлил принесённое официанткой густое фряжское вино и пригубил бокал. – Неужто выпускник Гагаринского училища?

Горыня, дегустировавший вино, в этот момент чуть не поперхнулся.

– Или паче, безбородовских будешь? – Гордей, внимательно отслеживавший малейшие проявления вазомоторики собеседника, удивлённо поднял бровь. – Тоже нет?

– Про то князя спрашивай. – Горыня виновато развёл руками.

– Это понятно. – Глава местного отделения Разбойного приказа кивнул с грустным выражением лица. – Ну, раз ты такой весь из себя орёл, то будем разбираться с нашей главной бедой.

В только что пустой ладони, будто из воздуха, появился белый кругляш серебряного рубля.

– А можно ещё раз глянуть? – Горыня протянул руку, и в неё упала поддельная монета.

Горыню прежде всего интересовала технология производства, и он внимательно, словно под микроскопом, начал осматривать изделие. Сейчас он понял, почему показался неровным рант. Накатан он был нормально, только вот сами риски бокового рисунка были неодинаковы, словно каждую вырезали отдельно. И главное, что заметил Горыня, это тонкий след срезанного облоя по всей окружности монеты, там, где заканчивался гурт.

В прошлой жизни ему пришлось пару раз заниматься фальшивомонетчиками, и технологию процесса он представлял себе довольно хорошо. Тем более что тогда подделывали тоже серебряные монеты Госбанка.

– Значит так. Монета эта сделана не литьём, а штампом. Формы низа и верха подогнаны плотно, но щель всё равно есть и излишек выступает вот здесь. – Горыня показал Гордею след. – И потом его срезают, но в результате остаются характерные царапины. Если возьмёшь хоть пару таких монет, сразу увидишь, что на них есть такой же след.

– И что это даёт? – Гордей достал из кармана жилета лупу в бронзовой оправе с длинной ручкой и стал внимательно осматривать монету. – Полагаешь, что

прессов таких в городе немного?

– Ручной не подойдёт, – ответил Горыня. – Сплав серебра с оловом дрянной. Хрупкий. Давить нужно так, чтобы металл потёк, а это вручную не сделать.

– Паровой молот, – неторопливо и словно нараспев произнёс Гордей и, облокотившись на руку с лупой, задумался, расфокусировав взгляд.

– Да ещё думаю, охрана у завода должна быть и работников немного.

– Немного работников... – Гордей откинулся на спинку стула и задумчиво уставился в потолок. – И сторожа, и молот паровой... Никандр! – Глава приказа звонко щёлкнул пальцами, и в кабак ввалился неприметный мужичок в рубахе и широких штанах.

Мужичок почесал под редкой бородёнкой и вопросительно посмотрел на Гордея.

– Значит так, селезень быстрокрылый. Лети-ка ты на Лесную да глянь, не курится ли дымок над Шубинской фабрикой. А паче молот услышишь, так пулей обратно. А Антипу передай, пусть на всяк соберёт десятка три своих убивцев да настороже побудет. Чую, дело ему будет. Да Афанасия зови. Волхв тоже пригодится.

– Сделаю, вашбродь. – Мужичок истаял в воздухе, словно привидение, а Гордей внимательно посмотрел на Горыню.

– Ежели ливцы[18 - Ливец – специалист по литью металла.] Шубина при деле, лично государю отпишусь.

– Тут другое интересно. – Горыня кивнул. – Если всё так, то Шубин этот по своей воле, или как? И нет ли тут чьих-то хвостов?

– Как сказал, хвостов? – Глава приказа громко расхохотался. – Разберёмся. Это уж совсем просто. У меня такой мастер есть, ему все словно в храме Родовом каются. Очищает так сказать душу, орёлик когтистый. – Гордей достал из жилетного кармана крупные часы, щёлкнул, открывая крышку, и помолчал, прикидывая расстояние и время. – Минут двадцать туда, да там с полчаса, да

двадцать обратно... – Он захлопнул крышку часов и повернулся в сторону кабатчика.

– Неси-ка обед, селезень наш бестолковый, да смотри, чтобы всё было свежим. Если что не понравится, отдам тебя вон ему. – Гордей кивнул на Горыню, который в этот момент как раз закончил перезаряжать барабан и бросил задумчивый взгляд в сторону труженика стакана и поварёшки.

От этого взгляда мужчина чуть побледнел и, что-то неразборчиво икнув, унёсся в кухню.

Сам Горыня съел жареной рыбы, потом после щей отдал должное рубленому мясу в соусе и, шлифанув всё стаканом морса, довольно отвалился от стола. А охранительный чин только наращивал скорость и после судачков, бульона и тушёного в масле перепела принялся за сочный ломоть мяса, запивая все это лёгким тавридским вином и делая перерывы на пирожки.

Но, как ни странно, к возвращению Никандра старший взыскающий Разбойного приказа уже сидел, вполне насытившись, и благостно ковырял зубочисткой в ровных, словно вчера от стоматолога зубах.

– Ну? – бросил он, не обернувшись, услышав тихие шаги Никандра.

– Есть дым, – Никандр кивнул. – Машину видно обложили мешками с песком, тако, что едва слышно, но земля гудит. И дорожка набитая от задних ворот к лесу. Там видно живут или что прячут...

– Людей поднял?

– Да, вашбродь.

Горыня посмотрел на Никандра и изумился тому, как не соответствует общему облику простоватого мужичка жёсткий сконцентрированный взгляд опытного волкодава.

– Тянуть не будем. – Гордей улыбнулся и, посмотрев с ленинским прищуром на Горыню, кивнул. – Поехали.

В этот раз ехали долго. Почти через весь город, туда, где уже заканчивались дома и начинались промышленные постройки. Сама дорога сузилась до проезда между заборами, и четверо возков неспешно катили по утопанной до каменного состояния земле. Наконец приехали, и люди, быстро высыпав из возков, подошли к широким воротам, а часть споро унеслась вдоль забора.

Никандр, подошедший первым, неожиданно сильно стукнул в створки, так, что доски загудели от удара.

– Именем государя, открывай! Разбойный приказ!

Он прислушался к тишине за воротами и кивнул молодому мужчине в длинном плаще с капюшоном, который слез со своего места последним. Мужчина откинул капюшон, поправил длинные волосы и, размяв пальцы, вдруг сделал движение, будто толкал что-то от себя. Ворота прогнулись, словно в них уткнулся огромный зверь, но не поддались и с хрустом выпрямились обратно.

– Надо же, рунная защита! – тихо проговорил волхв и, сдёрнув с шеи чётки, намотал их на правую руку, отошёл чуть назад и снова шагнул вперёд, толкая от себя невидимую волну. На этот раз ворота не выдержали и с хрустом распахнулись, разбрасывая вокруг оторванные куски досок.

Люди, словно по команде, рванули вперёд, и Горыня, успев подумать, что не хватает чего-нибудь вроде «Всем стоять, работает ФСБ!», кинулся следом. Где-то впереди вдруг зачастили револьверные выстрелы, бухнуло ружьё, и резко прибавивший в скорости Горыня первым влетел в длинный сарай, в котором остро пахло дёгтем, дымом и ещё чем-то знакомым со сладковато-приторным ароматом. Дёрнувшись на одних рефлексах в сторону, он ушёл от пули и, перекатившись, выстрелил на звук. Дальше всё утонуло в мелькании вспышек и грохоте выстрелов, когда Горыня содрогнулся от хлёсткого удара в грудь. Оставаясь в сознании каким-то чудом, он стоял и смотрел на находившегося в паре метров грузного мужчину с большим животом, одетого в дорогой голландский сюртук и щегольские туфли на высоком каблуке, с кривой усмешкой поднимающего оружие прямо в лицо Горыне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Так на Руси называли лихорадку.

2

Оружие.

3

Повойник – традиционный головной убор славян.

4

Мир – синоним слова «общество» на Руси.

5

Нумеролог – человек, изучающий магию чисел.

6

В реальной истории видный математик.

7

Кочет, в багрец повапленный – петух, крашенный в алый цвет. Обычно такое украшение ставили на коньке крыши, как символ удачи.

8

И в реальной истории в те времена делали деньги из платины.

9

Неведник – маршал.

10

Ревун – сентябрь в исчислении славян.

11

4 линии – 10,16 миллиметров.

12

Братина – чаша, которую пили как символ братства, а также название общей кассы дружины или отряда.

13

Поруб – подвал.

14

Русское море – старое название Чёрного моря.

15

Подворье – изначально гостиница или постоялый двор.

16

Тиун – судья.

17

Гридь – личная боярская дружина.

18

Ливец – специалист по литью металла.

Купить: https://tellnovel.com/zemlyanoy_andrey/krov-ryurika

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)